

В начале 2007 года читатели «Газеты по-киевски» увидели первые выпуски целого цикла статей под общей рубрикой «Записки старого киевлянина». Их автор Владимир Заманский действительно стар и действительно киевлянин - из тех жителей столицы, кто с несколько неоправданной гордостью называют себя «настоящими» киевлянами. На самом деле предмета для гордости здесь нет, поскольку родиться в том или ином знаменитом городе - не наша заслуга и вообще никакая не заслуга, ибо это событие от нас абсолютно не зависело. Другое дело, что Киев и в самом деле знаменит и колоритен, равно как и его жители. Так что послушать рассказчика, который помнит очень многое из жизни этого города и этих горожан, всегда интересно. Предлагаемая вам книжка - это собранные воедино заметки Владимира Заманского, регулярно публиковавшиеся в столичной газете более года. Их можно читать подряд, можно выборочно. Вы увидите старый Киев - довоенный и послевоенный. Вы услышите неповторимую киевскую речь (столь же неповторимую, как речь одесситов или полтавчан, но все же иную). Вы вспомните свою молодость, если вы уже постарели, а если вы молоды, вам, наверно будет любопытно услышать от бабушки или дедушки, что вот, мол, и с нами происходило нечто подобное, и мы в школе играли в «доп-доп», и тоже рассказывали вот эти самые анекдоты, и с нами случались такие же истории... «Заметки старого киевлянина» публикуются без значительных изменений по сравнению с тем, что публиковалось в «Газете по-киевски». Но кое-что существенное автор все же добавил.

#### «КИЕВ БОМБИЛИ, НАМ СООБЩИЛИ...»

Хорошо помню, как воскресным утром 22 июня родители ловили по радиоприемнику какие-то новые сведения помимо тех, что уже были переданы. В динамике раздался дикий рев. Мама сказала, что это был Гитлер. Много лет спустя я узнал, что ни Гитлер, ни Сталин 22 июня не вышли в эфир. Но рев был, помню. Вскоре пришло распоряжение радиоприемники сдать, и у нас еще долго валялась справочка о том, что приемник сдан. Считалось, что после войны его возвратят. Ничего не возвратили, да никто ничего и не требовал.

На Воздухофлотском проспекте, где военная академия, был призывной пункт. Там мы прощались с отцом. Я просил папу привезти мне с войны красную звездочку и никак не мог понять, почему мама плачет. Война! Это же так интересно. Потом была эвакуация. Когда мать куда-либо уезжала, она непременно забывала пояса от платьев. На этот раз она первыми положила в чемодан пояса. Но платья забыла. На вокзалах мимо нас проносились «литерные» поезда, их пропускали вне очереди. Один такой поезд все же довольно долго стоял рядом с нашим на соседней колее. Когда оба состава тронулись и медленно поползли в разные стороны, женщина из нашего вагона увидела в проплывавшем мимо окне своего мужа. Она стала истерически кричать: «город Фрунзе, главпочтамт, до востребования!» Поезда давно разъехались, а она билась в слезах и все кричала: «город Фрунзе, главпочтамт...»

До Фрунзе мы жили в Вольске на Волге. Попали туда случайно. На вокзале Вольска предполагалась долгая стоянка, и мой дед решил сходить на разведку. Вернувшись, велел высаживаться: нашел работу и квартиру. Фамилию его директора я почему-то запомнил: Калиганов. Он рассказывал: «Ко мне ходили эвакуированные один за другим, но как только вошел Лев Яковлевич, я по походке понял - это тот!». Калиганов ходил к нам в гости с какими-то гигантами, которые пили водку гранеными стаканами, как воду. Не помню, чтобы кто-то из них был пьян, но помню, как после очередного стакана Калиганов сказал

приятелю: «Спорим на сто рублей, что я срежу тебе все пуговицы и пришью за пять минут!» Через пять минут все пуговицы были спороты.

«Ну что? - торжествовал приятель. Проиграл?» - «Бери свою сотню, - ответил Калиганов.

- За удовольствие увидеть тебя без пуговиц на штанах и сотни не жалко!»

Сквозь щелястые стены нашего жилья было видно, как «издалека долго течет река Волга».

Пока мы утепляли квартиру, пришлось спать одетыми, накрывшись всем, что было из одежды. Вестей от отца не было, и мы не знали, куда ему писать. Но однажды пришла телеграмма: «Жив, здоров, подробности письмом, целую, Яша».

Отец попал в окружение, долго выходил к своим. В каком-то селе отряд зашел в богатую хату, попросили хлеба. Хозяин ответил, что позовет немцев. Его застрелили. Где-то приняли бой, сожгли немецкий танк. Отец нашел свою часть в Харькове. Там зашел к родственникам, но они эвакуировались. Отец зачем-то заглянул в почтовый ящик. Там лежало письмо от мамы с обратным адресом.

Вскоре он получил отпуск на несколько дней и приехал в Вольск. Я сидел на столе, потому что чем выше, тем теплее, дверь распахнулась, на пороге появился человек в шинели и с вязкой ржаных бубликов. Я понял, кто это, с воплем перелетел по воздуху со стола в его руки, больше ничего не запомнил.

В Вольске слово «эвакуированные» звучало оскорбительной насмешкой. Однажды я услышал от незнакомого парня: «Ну, погоди, рыжий. Придут немцы, рассчитаемся!» Голодомор прошелся и по Поволжью, здесь многие ненавидели советскую власть и возлагали надежды на немцев. Об этом не пишут, но это было.

К нам ходила Лидия Александровна Меркулова, дочь бесследно сгинувшего предводителя дворянства. Я прозвал ее Кожуркой, потому что она просила у бабушки «кожурки» от картошки. Бабушка выходила из комнаты, чтобы Кожурка в ее отсутствие могла что-то взять со стола. Бабушка подрабатывала шитьем. Почему-то она шила четырехпуговичные лифчики для необъятных волжанок. Мне нравилось надевать на голову «чашечки», хотя некоторые оказывались великоватыми. Впоследствии я пожалел, что не уделял должного внимания примеркам.

Когда немцы вышли на Волгу, мы уехали в киргизскую столицу Фрунзе. Теперь это Бишкек. Тогда город называли еще и Пишпек. В войну везде было трудно, но во Фрунзе мы обжились. В магазинах были продукты. Везти их из Средней Азии до фронта было по тем временам почти невозможно. Мы получили неплохую квартиру с двумя комнатами и верандой. У взрослых была работа, и нам говорили, что, может, не стоит возвращаться в разрушенный Киев. Но об этом не могло быть и речи, хотя мы не знали, цел ли наш дом на Михайловской. Правда, отец как-то писал, что, пролетая над Киевом, рассмотрел нашу улицу. Вроде бы цела.

На октябрьские праздники радио сообщило, что Киев взят, и уже зимой мы были дома.

## ПОБЕДА ПРИШЛА НЕОЖИДАННО

С конца 44-го года мы каждый день ждали победы и возвращения отца. Однажды я услышал с улицы его голос и с воплем «Папа приехал!» выбежал из дома. На улице никого не было.

Судьба хранила отца всю войну, но не покидала мысль о том, что он может погибнуть перед самой победой. Однажды отец приехал на побывку с компанией офицеров. Мама бросилась к нему, но он не обнял ее, а лишь развел черные руки. Мама изумилась:

- Где ты так вымазался?» Это была не грязь, а ожоги. Отец летел в транспортном самолете. Он вытянул ноги, а полковник, сидевший рядом, подобрал колени повыше. Невесть откуда взявшиеся два мессершмидта открыли огонь. Пулеметная очередь прошила полковнику обе ноги и лишь оцарапала колено отца. Самолет падал, и пилот выпустил шасси. Если бы не генерал Счетчиков, с которым отец прошел войну, машину бы свернуло в гармошку. Генерал успел убрать шасси, самолет упал на брюхо, люди уцелели, и только сосед отца умер от потери крови.

Мы, дети, уже знали, что война - это не совсем то кино, где наши смелые бойцы с шутками и прибаутками громили фрицев. К нам часто заходил польский еврей Мирончик, веселый парень, хороший портной. Однажды он пошил мне костюм, который я стеснялся носить. Он был чересчур модным.

Мирончик прошел через Бухенвальд, Освенцим и Майданек. Он рассказывал, как охранник бросал свою пилотку в запретную зону и приказывал заключенному принести. Если тот приносил, его расстреливали за нарушение дисциплины. Если не приносил, убивали за неподчинение. Заключенных заставляли чистить выгребные ямы не лопатами, а руками.

«Профессор Варшавской консерватории, - рассказывал Мирончик, - не мог этого вынести. А я мог, потому что я из нищей семьи, мне дома всякую работу приходилось делать».

Мирончика спрашивали, правда ли то, что рассказывают о фашистских концлагерях в газетах и кино? Мирончик отвечал, что на самом деле там было еще страшнее.

Шел к концу апрель. Плакаты призывали «добить врага в его логове». Ходили слухи, что под Берлином на Зееловских высотах непобедимый Жуков уложил сотни тысяч наших бойцов.

Возмутило газетное сообщение, что американские войска продвинулись вперед на столько-то ярдов. Отец рассказывал, как на югославском аэродроме наши попросили американцев одолжить механизм, с помощью которого автомобиль вкатывали в самолет. Американцы отказали. Тогда наши солдаты внесли автомобиль в самолет на руках. «Ха! Русская техника!» - рассмеялся американец. Отец сказал переводчику: «Объясни ему, что на этой технике войну выиграла мы, а не они!»

Союзников не любили и называли союзничками. Всю войну мы ждали второго фронта. Конечно, в Африке Монгмери уже бил Роммеля, но Эль-Аламейн был несравним со Сталинградом и Курском. Нужен был второй фронт в Европе. Но союзники открыли его, когда поняли, что эта Европа может достаться Сталину.

Через много лет я прочитал в книге Скопина «Милитаризм», об ином плане открытия второго фронта - не в Нормандии, а на Пиренейском полуострове. Португалия была традиционно привязана к Англии, а в Испании, где после гражданской войны еще были живы сотни тысяч республиканцев, можно было рассчитывать на серьезную поддержку. Но в таком случае во Францию и Бельгию пришли бы не Эйзенхауэр и Монгмери, а Жуков и Рокоссовский.

Настал май. Мы сидели на нашем огромном балконе. Тогда в Киеве было много балконов по десять и более квадратных метров. Был такой и у нас на Михайловской, 24. Потом его разобрали. Сияло солнце, мы пили чай, как вдруг улицу потряс крик. Кричали все окна, все квартиры, все дома. Мы бросились в комнату, включили радио. Нет, это была еще не победа, это взяли Берлин.

Победа пришла, когда мы ее не ждали. Ночью в двери стал ломиться сосед Зорик Жадановский: «Вставайте! Победа!»

Никогда больше я не видел и уже никогда не увижу такого. Не знаю, где были сняты знаменитые кинокадры, где двое солдат пляшут в кузове несущегося грузовика. По моему, в Киеве. Во всяком случае, такой грузовик с пляшущими солдатами я видел своими глазами.

К тому времени мы привыкли к артиллерийским салютам в честь наших побед. Орудия стояли на горке возле полуразрушенного института благородных девиц, он же Октябрьский дворец. Когда рывкали зенитки, уши закладывало, а в воздух летели боевые осветительные ракеты. Они медленно опускались на парашютиках, и было великим счастьем найти такой.

Моя мать, с детства недолюбливавшая советскую власть, говорила, что этот праздник нисколько не похож на наши самые торжественные официальные праздники. «Вот это, - говорила она, - и есть настоящее всенародное торжество. Только бы его не испохабили».

## ПЛЕННЫЕ НЕМЦЫ И КИЕВСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

После войны наша Михайловская улица находилась в своеобразном немецком окружении. На Мало-Житомирской, там теперь бани, с одной стороны, и на Владимирской горке с другой, располагались два лагеря для военнопленных. В Киеве немцы строили, прокладывали рельсы трамвая, работали очень добросовестно, а мы, пацаны, вертелись рядом, выменивая у них, чаще всего на что-то съестное, то пуговицу от мундира, то монетку с заграничным гербом.

Конвоиры нас гоняли, но как-то лениво. Конечно, немцам в плену было несладко. Но обращались с ними по-человечески, не так, как обращались они с нашими пленными. Мне, в отличие от других ребят, приходилось общаться с немцами чаще. Наша соседка тетя Ася работала медсестрой в лагере на Мало-Житомирской и часто приводила пленных к себе – то что-нибудь починить по хозяйству, то сделать какой-то ремонт. Один солдатик не просто выкрасил ей стены, но вымочил в краске тряпку, свернул ее в валик и выложил по стенам от потолка до пола некий абстрактный узор. Все были в восхищении. Разговоры с пленными велись через еврейских женщин по-еврейски. Идиш имеет с немецким много общих и похожих слов. В свою очередь, немцы виртуозно владели русским матом и охотно демонстрировали свое мастерство нам, мальчишкам.

У многих женщин мужья погибли на фронте. Чуть ли не в каждой квартире кто-то из соседей «пошел по приказу» - так тогда говорили о тех, кто погиб в Бабьем Яру. Но ненависти к вчерашним врагам мы не испытывали. Отходчив наш народ.

Однажды тетя Ася пришла домой расстроенная: «Из МГБ пришли и забрали Вилли Майера, такого милого мальчика». Могу ошибаться в датах, кажется, 30 января 1946 года после суда над гитлеровскими военными преступниками 12 из них были приговорены к смертной казни через повешение. В том числе и солдат Майер Вили-Вилли. Он участвовал в массовых убийствах. Рассказывали, на суде его опознала свидетельница, выжившая после расстрела. Майер сказал, что не признает это свидетельство. «Из-под моего расстрела, - сказал он, - живым не выходил никто».

Виселицу поставили на тогдашней площади Калинина, ныне это Майдан Незалежности, примерно там, где сейчас блестят "парники" - стеклянные купола над подземным торговым центром. Грузовики с опущенными бортами подвезли осужденных под перекладину, надели на них петли, грузовики медленно уехали, а трупы висели еще несколько дней. На головах лежал и не таял снег. Я обратил внимание на старушку, которая крестилась и вздыхала: «Бедненькие!» Вполне возможно, ее хата сгорела, как тысячи других. Наверно, и родные погибли. Но она простила.

Еще запомнились наручники на каждом из повешенных. Я был поражен: в нашей свободной стране где-то есть завод или фабрика, где выпускаются наручники, совершенно не нужные в социалистическом обществе.

Пленных, приходивших в нашу квартиру, бабушки подкармливали чем Бог послал, а те были в восхищении от нашей жизни. «Когда мы вернемся в Германию, - говорил солдатик со странным именем Шмуде, - мы тоже построим у себя такой же социализм, как у вас».

Германия лежала в руинах и голодала, а у нас в магазинах продавали рублей по пять икру - черпали поварешками из бочек красную и черную. Правда, до 1947 года все было по карточкам.

Немцы забыли, что такое хлеб и масло, у них все было «эрзац», что-то вроде синтетики. А у нас хлеб был пшеничным, а масло настоящим, не порошковым.

Теперь-то мне понятно, откуда бралось это киевское изобилие: за пределами города все было совсем иначе. Однажды знакомая женщина со смехом рассказывала: на Крещатике какой-то селянин ел мороженое с хлебом - своими глазами видела. Вот темнота!

Только впоследствии я додумался: до какой же степени надо изголодаться, чтобы пообедать таким образом - сытно и в то же время дешево.

## ПОДАЙТЕ, ХРИСТА РАДИ, ПОКУШАТЬ НА КРЕЩАТИКЕ

После войны мы были невероятно бедны. Нынешняя бабушка с ее жалкой пенсией тогда считалась бы счастливицей - у нее есть газ и горячая вода. Но такого хлеба, как в те годы, я уже никогда не попробую.

В конце разрушенного Крещатика в уцелевшем доме (сейчас его уже нет) был хлебный магазин, где ароматные, мягчайшие, с хрустящей корочкой французские булки (старики их помнят) соседствовали с такими же по форме, но большими «франзолями» и плетеными «халами». На витрине магазина сохранилась еще довоенная реклама: «Качество хал выше похвал». И это была правда.

По утрам в город приезжали из окрестных сел красавицы-молочницы. Почему-то все молодые и чернобровые. Они разносили по домам в неподъемных бидонах свежайшее молоко.

Такого я тоже не попробую больше никогда. Молоко стало проклятием моего детства. Тяжелое, несколько желтоватое от жира, оно не отмывалось со стен бутылки. А на мне лежала обязанность эти молочные бутылки мыть.

Для этого следовало насыпать в бутылку мельчайшие обрывки бумаги, залить теплой водой и долго трясти. Но жир все равно оставался. Говорили, что его легче отмыть, если в бутылку вложить металлическую цепочку. Я клал. Не помогало. Ершиков, которыми моют бутылки сегодня, тогда не существовало. Нынешнее молоко отмывается сразу и холодной водой.

Когда-то на Крещатике торговали два громадных гастронома. Такого ассортимента как сейчас, тогда не было. Но сами-то магазины были! Потом началась новая жизнь, по замыслу ее родителей свободная от дефицита и обвешивания. Очередей «за курями» и сомнительных весов не стало, но и магазины пропали. От одного из крещатикских гастрономов осталась половина, второй закрыли - якобы на ремонт, но, похоже, навсегда. А куда подевался овощной магазин на Крещатике? Где вообще все киевские продуктовые магазины, в том числе и в районе Рейтарской улицы, жильцов которых новый капитализм лишил не только магазинов, но и знаменитого Сенного базара?

С продуктовыми магазинами вообще вышла накладка. Сначала их приватизировали. Правда, с условием: пять лет сохранять профиль торговой точки. За пять лет их новые владельцы поняли, что продать один импортный костюм проще, чем тонну картошки. И Крещатик засиял вывесками с иностранными надписями и не вполне иностранными товарами. Некоторые из них, например, мое пальто, сделаны в Броварах.

Удивительно: при советской власти, когда мы работали за идею, а не за колбасу, продуктовых магазинов было много. Сейчас мы работаем за деньги, но найти в центре Киева место, где можно было бы потратить их на кусок колбасы, затруднительно.

## АНЕКДОТЫ С КИЕВСКОЙ БОРОДОЙ

Нынешнее поколение, пожалуй, не только умнее, но и веселее нашего. Вспоминая анекдоты, ходившие в послевоенные времена, с трудом находишь хотя бы парочку более или менее остроумных.

Впрочем, в этом порой есть своеобразная прелесть. Некоторые анекдоты, которые рассказывали друг другу мы, дети, порою были настолько глупы, что сама эта глупость становилась своего рода совершенством - глупее не придумаешь.

Вот пример. Пушкин и Лермонтов пошли на бал. Сидят и кушают арбузы. Лермонтов съест ломоть, а корку подкладывает Пушкину. А потом и говорит: «Господа! Вы посмотрите, какой Пушкин обжора! Вон сколько у него корок!» А Пушкин отвечает: «Господа! Вы гляньте, какой обжора Лермонтов! Он даже корки свои съел!»

А взрослые рассказывали анекдоты о генеральшах. Это была серия, похожая на нынешние серии анекдотов о блондинках или новых русских. Здесь надо кое-что объяснить.

Во время войны Сталин не жалел для своих военачальников ни орденов, ни званий. Генералов, вчерашних сельских хлопцев стало очень много, они и их супруги, в том числе и так называемые ППЖ - полевые походные жены - образовали своего рода элиту, над которой потешались все, кому не так повезло в жизни. Потешаться было над чем. По Крещатику разгуливали дамы в ночных сорочках, привезенных из Европы. Рубашки были длинные, с поясками, и дамы полагали, что это вечерние туалеты. Рядом выступали мужья в полосатых пижамах, которые они, тоже по деревенской наивности, сочли костюмами и надевали к ним галстуки.

Вся эта публика стала мишенью насмешников. Командующий дает прием. В зал входит генерал-майор с женой. На плечах ее чернобурка. (Черно-бурые лисы были тогда в чрезвычайно моде). Входит генерал-лейтенант. На его жене три чернобурки. Жена генерал-полковника явилась в паланкине из пяти чернобурок. Что же будет н жене командующего? Входит маршал. На его груди семь орденских планок. А на груди его жены орденская планка, с которой свисают семь черно-бурых хвостов.

Или такое: Сидят в опере две генеральши. Без умолку говорят. Звучит увертюра. Продолжают болтать. Интеллигентка шепчет: «Тише, увертюра!» Генеральша в ответ: «От такой слышу!» И еще. Генеральша рассказывает мужу: «Я вчерась была у Кондратьевых. Надела зеленое платье. И произвела настоящий террор! Генерал отвечает: «Дура. Не террор, а фураж». «Произвести фураж» тогда считалось признаком светскости. И генеральши в меру своих способностей подражали тогдашним светским львицам. Странно, но в то голодное время были и они. И как сейчас в Москве производит то ли террор, то ли фураж Ксения Собчак, так тогда в Киеве блистала некая Неля Килерог. Завистницы говорили, что никакая Неля не Килерог, а как раз наоборот - Горелик. Так это было или не так, не знаю, но хорошо помню рассказы о блистательной Неле. Как она, напившись в ресто-

ране, швырнула об пол бокал и вскричала: «Я истеричка!» Быть истеричкой означало принадлежать к разряду тонких натур.

Сейчас все это анекдоты «с бородой». Но «бородатые» остроты были и тогда. От деда, человека веселого, я слышал анекдоты времен первой мировой. Мишенька попал на фронт, оказался на передовой, огляделся и спросил: «Скажите, пожалуйста, а где здесь плен?»

Все же закончу я свой рассказ умным дореволюционным анекдотом, который тоже слышал от деда.

Приказчик жалуется хозяину: «Тит Титыч, вы Ваське платите вдвое больше, чем мне, а ведь он такой же приказчик, как и я. Несправедливо». Хозяин промолчал, а потом и говорит: «Петруша, там мужики сено привезли. Узнай, не на продажу ли». Петруша сбежал, узнал: «Да на продажу». - «А почему, не знаешь?» Петруша быстро обернулся, узнал. «Дороговато, - говорит хозяин. - Нельзя ли подешевле?» И снова разбитной Петя, ноги в руки, все разведаль. Тут хозяин подзывает приказчика Васю и просит узнать, что там за возы с сеном. Васька возвращается и рассказывает: «Мужики полтавские, сено везут на продажу. Дороговато просят, но поторговаться - уступят. Товар неплохой, да только за полтавскими едут екатеринославские, у тех будет получше».

- Теперь ты понимаешь, - говорит хозяин Петру, - почему я плачу ему вдвое?

## ПЕСНИ ВОРОВ И ИНТЕЛЛИГЕНТОВ

Моя мать любила Шопена и с некоторой прохладцей относилась к репертуару Клавдии Шульженко. Тем не менее, сидя за стареньким фортепиано, мама вместе с Фирочкой Крольбейн подбирала мелодию сейчас забытой, но тогда безумно популярной песенки «Морячка». Там пелось в девушке, тайно влюбленной в моряка. Заканчивалось произведение кокетливо: «Все зовут меня морячкой, неизвестно почему».

Однажды бабушка и мама за неимением в доме мужских рук (отец еще воевал), наняли парня нарубить дров и сложить их в сарае. Парень, как я сейчас понимаю, был вором. Но вором особой, теперь уже выродившейся категории. Такие не крали у тех, кто им давал заработать, и почему-то очень любили детей. Парень взял меня с собою в сарай, я с восторгом смотрел, как он сноровисто рубит и складывает поленья, но с еще большим восторгом слушал его воровские песни - про «Анфису милую», про «честного вора Честнока» и совершенно изумительную песню о том, как «там за бугром в сером доме роскошно живет прокурор. Он судит людей беспощадно, не зная, что сын его вор». Разумеется, отец-подлец беспощадно осудил своего сына, но когда узнал, что наделал, было уже поздно. «Тихо луной осветило старый кладбищенский двор. Там над сырою могилой лил слезы отец-прокурор».

Помню песни, которые распевали в пригородных поездах инвалиды, просившие милостыню. Это звучит дико и страшно: инвалиды войны просили милостыню. Но тогда это было в порядке вещей, калеки не унывали, и песни их нередко были веселыми и по-своему остроумными.

Пример. «Венецианский мавр Отелло один домишко посещал. Шекспир увидел это дело и водевильчик написал». В водевильчике фигурировал «папаша, дож венецианский», который «любил в пятьсот одно сыграть (была такая карточная игра совершенно забытая, тоже). Любил он также сыр голландский московской водкой запивать. А Дездемона, его дочка, лицом, как полная луна, на генеральские погоны, да эх! - прельстилася она». Вы читали Шекспира, и конечно, помните, что у Отелло в адъютантах ходил «Яшка, старший лейтенант. И, на несчастье Дездемоны, был Яшка страшный интриган». Вы

помните также, чем все закончилось. «Отелло наш был злобный малый и Дездемону удушил».

Песня о Льве Толстом глубоко раскрывала сложный образ гения. «Великий русский писатель Лев Николаич толстой ни рыбы, ни мяса не кушал, ходил по аллеям босой. Он юность провел очень трудно, на фронте в Крыму воевал. На старости очень культурно в имении своем проживал. В имении Ясной поляне любил принимать он гостей. К нему приезжали славяне и негры различных мастей». Вступал он с правительством в тренья и был он народа кумир за драму Анна Каренна (фамилия Каренина не влезала в ритм, пришлось ее сократить) и роман (ударение на первом слоге) «Война и мир».

Песня раскрывала причины драмы в семье Льва Николаевича. «Жена его Софья толстая, напротив, любила поест. Она не ходила босая, спасая фамильную честь». В конце концов «наскучило графу все это, решил он свободно вздохнуть, велел заложить он карету, отправился в дальний он путь». Финал песни был гениально неожиданным: Я этого самого графа незаконнорожденный внук. Подайте, подайте, граждане (ударение на втором «а»), из ваших мозолистых рук»

А вот песня, исполненная драматизма. «Этот случай совсем был недавно, в Сталинграде прошедшей войной. Лейтенант после грозной атаки написал про себя все домой. “Дорогая жена, я калека, не имею обеих я ног. Я служил для защиты народа и покой для него я сберег. И страна вот меня наградила, тепло встретила родная мать. Неужели ж меня ты забыла? Как ты будешь калеку встречать?” Подлая жена ответила в том смысле, что калека ей не нужен. Но была у лейтенанта дочка. Она написала ему «милый папа, не слушай ты маму! Приезжай поскорее домой!». Дочка обещала: «я в коляске катать тебя буду и цветы для тебя буду рвать» И папа приехал. Но что же предстало взорам дочки?

«Папа! Папочка, что же такое?

Целы руки и ноги твои.

Орден Красное знамя сияет,  
расположен на левой груди».

Папа ответил, видимо, утирая скупую мужскую слезу:

«Ничего, ничего, дочь родная...

Видишь, мама встречать не пришла.

Она стала совсем нам чужая,

Мы забудем ее навсегда».

После чего, надо думать, лейтенант жену куда-то прогнал и зажил с дочкой весело и счастливо.

## СПЕЦЫ С ЦАРСКИМИ ДИПЛОМАМИ

Докторов, получивших образование до революции, ценили сами революционеры. Мне приходилось общаться с теми, кто знал Дмитрия Ильича Ульянова, брата Ленина. Вредные деды рассказывали, что когда Ульянов-младший заболел, то просил врача «обязательно с царским дипломом» И правильно делал.

До и после войны мы жили на Михайловской, тогда улице Парижской коммуны, а в доме напротив жила и практиковала доктор Мекк. К ней обратилась моя бабушка, когда почувствовала, что с ее желудком происходит что-то неправильное. В поликлинике врачи с рабоче-крестьянскими дипломами сказали, что бабушка отравилась. Сказать ей такое было оскорблением. Она готовила неимоверно вкусно и абсолютно гигиенично. Отравиться бабушкиной едой было совершенно невозможно. Старушка пила прописанные лекарства, какое-то время вообще ничего не ела, но живот все равно болел и кружилась голова. Бабушка пошла в поликлинику еще раз. Сдавала анализы, глотала зонд, получала

новые предписания. Они тоже не помогли. И тогда она пошла к доктору Мекк. Выслушав все жалобы с подробностями, не имевшими к делу никакого отношения, доктор с царским дипломом предложила пациентке открыть рот. Бабушка ожидала чего-то более серьезного, но рот открыла. И доктор Мекк без всяких анализов сказала, что во рту у пациентки несколько стальных коронок, одна из которых стала окисляться. Коронку заменили, бабушка немедленно выздоровела и долго рассказывала соседкам во дворе, какая умница эта доктор Мекк.

Имя еще одного гениального врача старые киевляне хорошо помнят: Давид Лазаревич Сигалов, педиатр. Его визит стоил довольно дорого, но я заболел чем-то серьезным - то ли корью, то ли скарлатиной, и пришлось приглашать знаменитость. Он пришел вечером, я обратил внимание на его весьма скромное серое пальтецо и через много лет понял, почему оно было такое скромное.

- Ложку мне, - сказал доктор отрывисто. И бабушка ринулась к нему с ложкой.

- Вы как мне ее даете? - возмутился Сигалов. - Я не супом собираюсь его кормить.

Оказывается, ложку нельзя было держать за ручку. Ручка предназначалась для вложения больному в рот на предмет рассматривания горла. Мгновенно возникла новая ложка, и, обмирая от ужаса, я раскрыл рот. Потом мне много раз в жизни приходилось вздрагивать от прикосновений холодного стетоскопа, выстукивания и прощупывания, но больше никогда я не слышал столь четкого, подробного и точного рассказа врача о том, что со мною случится завтра, послезавтра и на протяжении ближайших десяти дней, а также о том, что в эти дни надо будет со мною делать. И все эти дни наша семья не переставала изумляться поставленному диагнозу и тому, как удачно проходило лечение.

Уходя, доктор сделал вид, что не заметил как мама вложила ему в руку гонорар, но тут бабушка, трепеща и волнуясь, задала непредусмотренный вопрос:

- Доктор, скажите, что делать, что он так плохо кушает?

- Какой вздор! - ответил доктор. - Не хочет есть, и не кормите. Сам попросит. Давайте ему простую пищу. Например, кислую капусту. Ты любишь кислую капусту? - обратился он ко мне, и я, опять умирая от страха, сказал на всякий случай «Да».

Это была ложь. Кислую капусту я ненавижу.

Прошло очень много лет. Однажды известный киевский искусствовед профессор Дмитрий Горбачев взял меня в гости к известному коллекционеру картин Давиду Сигалову. Это был тот самый доктор, но на сей раз вовсе не строгий. Он со смехом выслушал рассказ, который только что прочитали вы, потом поговорил с профессором на профессорском языке об украинском авангарде и «Мире искусства», и я понял, почему доктор Сигалов носил такое убогое пальтишко и куда шли его гонорары. Второго такого собрания живописи в Киеве, говорят, не было.

После смерти Давида Лазаревича его коллекция, по его воле, перешла в Киевский музей русского искусства.

## ЛЮДИ ИЗ КОММУНАЛЬНЫХ КВАРТИР

Часто приходится слышать, что, мол, в годы войны люди были добрее, отзывчивее, делились последним. Это не совсем так. Война измотала и измучила всех, и я много раз видел, как в длиннейшую очередь не пускали ребенка, отлучившегося на минутку. «Но я же вот за этим дядей!» - плакал ребенок. Тетка, стоявшая за ним, отвечала, глядя в сторону: «Ничего не знаю.

Нечего туда-сюда бегать».

Сегодня я понимаю эту женщину. Хлеб, за которым она стояла, мог в любой момент кончиться, а дома ждали голодные дети.

Мы, мальчишки, старались не ходить мимо госпиталей - боялись раненых. Они могли угостить яблочком, но вполне могли и огреть костью. Сегодня я тоже понимаю, что значило для молодого и крепкого парня на всю жизнь остаться калекой. Тут весь мир возненавидишь.

В коммунальных квартирах то и дело вспыхивали скандалы между соседями из-за ерунды. «Я три дня была в селе! Почему я должна платить за свет столько же, сколько она?» Речь шла о пятнадцати копейках, но люди были настолько издерганы, что нервы то и дело сдавали.

И все же сделать людей зверьми не могла даже война.

Сейчас уже все забыли такое словосочетание: «Закон от 5 августа». А тогда оно было у всех на устах. Согласно этому закону, фронтовики и их семьи имели преимущественные права на жилплощадь, которую занимали до войны. Мы вернулись в Киев вскоре после освобождения. Но наши две комнаты в коммуналке уже заняли старики-родители капитана дальнего плавания Жоржа Калиновского. Жорж был чудо как хорош в своем черном мундире. На моего отца-летчика тоже оглядывались женщины, что вызывало у мамы, когда гордость, когда ревность.

Вернувшись домой, и ожидая, когда подействует закон от 5 августа, мы поселились у соседки тети Аси в ее комнате, где она жила с сыном. Комнату пришлось разделить ширмой.

Приехав с фронта «на побывку», отец взял наше барахло и самое главное - кровать и понес в наше довоенное жилье. Но тут на его пути встал Жорж. Два офицера, звеня орденами, стали толкаться у дверей. Один пытался запихнуть кровать в комнату, второй пытался эту кровать выпихнуть. Соседки смотрели и вздыхали: дескать, таким молодцам водку бы за одним столом пить, а война вон что натворила...

Не помню, и уже не у кого спросить, что было дальше. Но помню, словно это было вчера, как очень долго мы жили вместе с Калиновскими - мы в маленькой комнате, но отдельной. Они - в большой, но проходной. Сказать, что мы подружились - было бы мало. Мы породнились. Старик Калиновский, член партии с 1905 года, в первую революцию был «боевиком». Однажды, чистя револьвер, он спустил курок, не заметив, что в стволе оставался патрон. Пуля попала в кафельную печку, вернулась обратно и рикошетом выбила стрелку глаз.

О революции и своей боевой юности дедушка не рассказывал ничего, но бабушка Калиновская много рассказывала, как они жили на Дальнем Востоке, там было много китайцев, они ели то, что православный в рот бы не взял. Рассказывала, как маленький Жоржик мечтал стать моряком. Ему надели новенький матросский костюмчик и, выйдя на улицу, Жоржик первым делом лег в лужу и «поплыл».

Шел 44-й год, до конца войны было далеко и с фронта все еще приходили похоронки. У матери был удивительный слух. По тому, как я звонил в двери, она уже знала, что несу «двойку» и по звонку почтальона догадывалась, что за почта у него в сумке. Но почтальон вдруг вообще перестал к нам ходить. Шла неделя за неделей, а от отца никаких вестей не было. Всю войну за исключением того времени, когда он выходил из окружения, отец писал домой регулярно. И вдруг умолк. Глядя тогда на мать, я впервые понял, что значит почернеть от горя.

Как-то вечером мы сидели и молчали в нашей маленькой комнате. Дверь к Калиновским была почему-то закрыта. Как вдруг без стука ворвалась бабушка Калиновская с картами в руках. «Гляди, дочка! - кричала бабушка матери. - Я на тебя карты раскинула. Смотри, вот видишь: вести! Тебя ждут хорошие вести!» Мать не успела и рта раскрыть, как раздался звонок. В дверях улыбалась «почтальонша». Все это время она чувствовала

себя в чем-то виноватой: люди так ждут письма, а она не несет. На этот раз в ее руках было несколько писем с разными датами, но все от отца. Мне повезло. В моем классе у половины ребят отцов не было.

#### «ВАМ БАРЫНЯ ПРИСЛАЛА...»

«Вам барыня прислала сто копеек, сто рублей. Что хотите, то купите, «да» и «нет» не говорите, черного, белого не называйте. Вы поедете на бал?» Глупый ребенок отвечал «да» или «нет» и немедленно проигрывал. Умные дети отвечали «поеду», после чего немедленно следовал каверзный вопрос: «А в какой карете - черной или белой?» Интервью продолжалось, пока испытуемый не произносил одно из четырех роковых слов - да, нет, черное, белое. Я забросил это дело после того, как сыграл с отцом. Когда я ему надоел, он спросил: «Какого цвета белая лошадь?» Я напрягся и ответил: «Во всяком случае, не черная». И проиграл.

В прошлом веке такие игры были популярны среди малышей. Игры школьников были более интеллектуальны. Например, игра в географию. «Киев!» - восклицал играющий. Партнер должен был назвать географический объект, начинавшийся на ту букву, которой заканчивалось сказанное слово. В данном случае надо было сказать, например, «Вологда». В ответ назывался

Архангельск или Актюбинск. Мы, мальчишки, кое-что смыслили в географии, хотя однажды папа Эрика Гросмана, весельчак и хитрец, включившись в нашу игру, вдруг на слово «Азия» ответил: «Ялтай!» И мы растерялись - вроде есть такое слово? Или нет? Игра в географию стала неинтересной после того, как в продаже появилось достаточное количество справочников и атласов. Мы быстро изучили списки географических названий и легко загоняли соперника на «я» и «й». Названий на эти буквы мало.

Сегодняшние дети играют в компьютерные игры, и родители жалуются на это точно так же, как жаловались наши родители на то, что мы слишком много читаем. Читали мы запоем, в том числе и дети не слишком образованных родителей. Других развлечений просто не существовало.

За кино надо было платить, первые телевизоры появились лишь в 1953 году, да и то в самых продвинутых семьях. Телевизор работал недолго, смотреть там было нечего, смотрели даже тест-таблицу, но нам, детям, она быстро наскучила. Поэтому все читали. Читали что попало, в любое время, например, на уроках под партой, и в любом месте, в том числе в постели. Родители ругались, гасили свет, но под одеялом был припасен фонарик и, накрывшись с головой, мы продолжали читать. Особым успехом пользовались Жюль Верн, Майн Рид, а когда сняли запрет с Ильфа и Петрова и издали их книгу, которая мгновенно была расхватаана, мы помешались на «12 стульях» и «Золотом теленке». Их знали наизусть.

Однако мы читали еще и Мопассана, чем приводили учителей в ужас. Мопассан предназначался исключительно для взрослых. А уж о «Яме» Куприна и речи быть не могло! Но мы находили и с нехорошим волнением читали и эту неприличную повесть.

В 1950 году мама подписалась на академический десятитомник Пушкина. Во втором томе я прочитал сказку, которая не входит ни в одну книжку сказок великого поэта - «Царь Никита и сорок его дочерей». Это такое же гениальное произведение, как «Сказка о золотом петушке» или «Сказка о рыбаке и рыбке», но вы все же его не читайте. А мы читали и не раз. И мне до сих пор стыдно, что на обрезе второго тома и сейчас выделяются темным цветом страницы, зачитанные и захватанные пальцами моих одноклассников. И моими тоже. «Царя Никиту» все мы знали наизусть.

Конечно, некоторые сайты нынешнего Интернета представляют неизмеримо большую опасность для детей, чем Мопассан или Куприн, но все же компьютер не обеднил детские души. Хотя глаза портит так же, как и чтение под одеялом. Хуже другое - дети стали слишком уж сидячими. Девчонки забыли, что такое скакалка, а ведь как самозабвенно и виртуозно они прыгали во дворе через веревочку. И крест-накрест, и на одной ножке, и вдвоем. Сейчас скакалка осталась только в залах, где тренируются боксеры. А девочки прыгают разве что на душевой дискотеке. Мальчишки все поголовно играли в футбол. Играли даже на крутой Михайловской улице, даже теннисными мячиками, даже консервными банками. Для нас, пацанов с Михайловской, лучше всего было играть на площади перед нынешним МИДом, но днем взрослые катались там на велосипедах. Поэтому на площади мы играли вечером, в темноте. Настоящий футбольный мяч был роскошью, стоил дорого, надувался ртом и выходил из строя в самое неподходящее время. К тому же его очень просто могли отобрать и отбирали старшие ребята с соседних улиц. Ворота обозначались двумя стопками школьных портфелей, верхняя перекладина обозначалась визуально, и это вызывало горячие споры - проигравшие кричали, что мяч прошел выше ворот, победители кричали, что мяч попал в «девятку». А уж количество разбитых окон подсчету не поддается, и соответствующей статистики нет.

Не скажу, что нынешние дети глупее прежних. Но что те были физически крепче - это, к сожалению, правда.

### ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА КОРОЛЬ!

Что дети инстинктивно тянутся к поэзии, я понял в третьем классе 25-й школы, когда на каком-то скучном уроке Боря Рабинович неожиданно закричал басом: «Здравствуй, дедушка король с длинной белой бородой, с длинными усами, мы поброем (именно поброем) сами!» И был немедленно удален из класса.

Боря не мог объяснить свой поступок, к которому не был ничем побуждаем. В подобных случаях прабабушки говаривали: «Видать, такой стих на него нашел». Стих, который проревел на уроке Боря, сочинен не взрослыми, а детьми, - это, мне кажется, неоспоримо.

В 1928 году Корней Чуковский написал знаменитую книгу, выдержавшую неимоверное количество изданий - «От двух до пяти». Он блестяще анализирует речь ребенка, но почему-то ничего не говорит о детском фольклоре. Между тем, этот фольклор своеобразен и загадочен.

«Эныки, беныки ели вареники. Эныки, беныки клёц! Вышел зеленый матрос». Есть нечто мистическое в появлении зеленого матроса и в его таинственной связи с эныками и беныками. Кто они? Может быть, некие нибелунги, хранители вареников? Загадка.

Еще в утробе матери ребенок слышит чудные ритмы, которые хранит всю жизнь. Отсюда, наверно, произошла и поэзия, дар богов. Не знаем, как он развивался у Пушкина, мы начинали с дразнилок. В этом отношении страшно не повезло Борисам и Ларисам. «Идите прямо-прямо, там помойная яма. В этой яме есть Борис, председатель дохлых крыс. И жена его Лариса, сама дохлая крыса». Наверно, эта дразнилка продиктована родными сестрами любви - завистью и ревностью. И они же, эти злобные фурии, продиктовали неизвестным юным авторам текст универсальной дразнилки, чья ядовитая стрела разила любого мальчика и любую девочку, если только они осмеливались играть вместе. «Жених и невеста! Наелися теста! Тесто засохло!

Невеста сдохла!» Сколько юных сердец было разбито этим ужасным проклятием!

У нынешних мам и пап, наверно, сохранились в памяти правила игры в «квача» и в «жмурки». Сохранились, конечно же, и тексты считалочек. Обратите внимание на их связь с реалиями тех времен. Вот считалочка, по-видимому, еще дореволюционная, классическая: «На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой?» Расширенный вариант считалки завершался словами: «Говори скорей, не задерживай честных людей». Стих пронизан ароматом старорежимной вежливости и почтения к честности.

А вот считалочка с национальным колоритом: «Котилася торба з великого горба, а в тій торбі сіль, хліб-паляниця, з ким хочеш, з тим одружися». Мирно, красиво, в патриархальном духе. Но по стране пронеслось цунами революции, и детский фольклор отреагировал на гражданскую войну и бандитизм. «Вышел месяц из тумана, вынял (именно вынял) ножик из кармана. Буду резать, буду бить, с кем останешься дружить?» Много лет спустя выяснилось, что этот текст выкрикивал в детстве я, киевлянин, и дитя из Алапаевска, ныне украинский профессор Дмитрий Горбачев. Стихи бытовали в Украине и на Урале. Столь же распространено было и такое: «Обезьяна без кармана потеряла кошелек. А милиция поймала, посадила на горшок. А горшок горячий, обезьяна скачет. (Или плачет)».

Атмосфера 30-х годов точно отразилась в детском сознании - органы правопорядка не только не помогли обнищавшей обезьяне, но и подвергли ее репрессии.

Во время войны ходили и дошли до 60-х годов детские народные антифашистские стихи. «Внимание, внимание, говорит Германия! Вчера под мостом поймали (именно поймали) Гитлера с хвостом». Перед тем, как процитировать следующий антифашистский образец детского фольклора я должен извиниться перед всеми образованными и воспитанными людьми. Детский фольклор не знал цензуры. «Сидит Гитлер на горшке, делает какашки и кричит на весь Берлин: «Геббельс, дай бумажки!» Были стихи о Гитлере и покруче, но я их не смею произнести. Как не произнесу множество других фольклорных считалок и стихов, абсолютно нецензурных. Наши дети и прежде, и сейчас знают несколько больше того, что им, по нашему мнению, следует знать.

Лет сорок назад дети киевских дворов выкрикивали считалку, несовершеннолетние авторы которой, несмотря на малый возраст, учли особенности социалистической экономики. «Ехала машина с лесом за каким-то интересом. Инти-, инти-, интерес, выходи на букву «с»! По-моему, лес был левым, интерес - криминальным.

Шестидесятые годы, годы преклонения перед ликом Ленина и ленинского ЦК, отразились в детском фольклоре так: «Я сижу на вишенке, не могу накушаться. Дядя Ленин говорит, надо маму слушаться». Это идеологически правильное стихотворение нашло живой отклик в педагогической среде, и моя дочка услышала эти строки в детском саду от воспитательницы.

Дети, они кого хочешь и чему угодно научат.

## ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ БИЛЕТ БРАТЬ ЛЕВОЙ!

До сих пор не могу без волнения слышать песню о Днепре композитора Марка Фрадкина. Ее теперь очень редко исполняют. Может быть, потому что на прекрасную музыку положены посредственные слова Евгения Долматовского. Хорош, пожалуй, только первый куплет:

У прибрежных лоз, у высоких круч  
И любили мы и росли.  
Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч,  
Над тобой летят журавли.

Следующие строки очень правильны с точки зрения сталинской агитации и пропаганды, но как для поэта, то не очень талантливые:

Ты увидел бой, Днепр-отец река,  
Мы в атаку шли под горой.  
Кто погиб за Днепр, будет жить века,  
Коль сражался он как герой.

Эта песня была отцовским талисманом во время войны. Он служил в авиации дальнего действия, так называемой АДД, и всякий раз, когда поднимался в воздух, мурлыкал про себя эту песню. Она его хранила. Единственный раз он чем-то отвлекся, не спел волшебную мелодию, и немцы самолет сбили. Отец отделался легкими ранениями, но с тех пор напевал эту песню, даже когда спустя много лет после войны мы летели в пассажирском самолете из Киева в Сухуми на отдых.

Авиаторы всегда были и, по-моему, сейчас остаются очень суеверными. В другой знаменитой песне композитора В. Соловьева на слова С. Фогельсона из кинофильма «Небесный тихоход» летчики поют:

Но чтоб не сглазили подруги нас кудрявые,  
Мы перед вылетом еще  
Их поцелуем горячо  
И трижды сплунем через левое плечо.

В борьбе с предрассудками и суевериями партия велела заменить последнюю строчку. Получилось глупо: «Их поцелуем горячо сперва разок, потом другой, потом еще». Это уже какая-то вакханалия. Тем более что до поцелуев летчики пели «мы выпьем раз, мы выпьем два...»

Вы знаете, почему сплунуть нужно именно через левое плечо. Потому что за правым стоит ангел-хранитель, а за левым - бес, тьфу на него!

Был бы я постарше, узнал бы от отца и его фронтовых друзей массу забавных историй, связанных с авиационными поверьями и приметами. Но тогда эта заметка была бы куда длиннее.

Однако и мы, дети, и не летавшие на самолетах взрослые иной раз оказывались такими суеверными, что и детям было смешно. Встречаясь с нами, соседка с пустыми ведрами обязательно извинялась, уступала дорогу, потому что встретить женщину с пустыми ведрами – к неприятностям. О встрече с черной кошкой и говорить не приходится. Мы возвращались домой, если дорогу перебежала даже обыкновенная кошка. Этой примете верили все. Многие такие приметы известны и сегодня, но многие начали забываться. Когда мама развешивала во дворе белье после стирки и при этом светило солнце, соседки обязательно отмечали, что маму «хлопцы любят». Если на развешенное белье начинал капать дождь, то это означало, что женщину, постиравшую это белье, мальчики напротив, не любят.

О просыпанной соли известно все, это элементарно. Просыпал соль - обязательно будет ссора. Истоки этой приметы в тех давних временах, когда соль была деликатесом. Ее привозили из-за моря, стоила она дорого, и просыпать такую ценность нельзя было. Из таких же давних времен пришли приметы, которые полвека назад строго соблюдали наши родители. Но помнят ли сегодня о том, что дарить цветы - это целая наука. Нельзя принести на свадьбу желтые цветы - они к разлуке. На свадьбу дарят белые цветы. Если дарить цветы возлюбленной – то обязательно красные. Красные - это любовь.

Помнят ли сегодня, что спрашивать, «Куда идешь?» в высшей степени невежливо и даже неприлично. Такой вопрос заслуживает одного ответа: «На Кудыкину гору!» Куль-

турный человек должен знать, что никогда нельзя «закудыкивать» дорогу. Но теперь культуры стало меньше, и заветы предков народ забывает.

Почему новорожденного мальчика украшают синей лентой, а девочку - красной, мне объяснила очень старая дама «из дворян». В царской семье, говорила она, царевичи были кавалерами ордена Андрея Первозванного. Его орденская лента синяя. А великие княжны становились дамами ордена святой Анны. Его лента красная. Есть и другие объяснения, но это я услышал первым.

Были приметы, относящиеся к так называемым критическим дням, бесстыдно рекламируемым в наше время по телевидению. В этот период женщина не должна была появляться там, где ставили тесто, квасили капусту или закатывали банки с консервами. Иначе тесто опускалось, капуста скисала, банки взрывались.

Вера в приметы, разумеется, царила и в школе. Правда, в пятидесятые годы она заметно ослабела, однако экзаменационный билет мы даже студентами брали только левой рукой. Но перед экзаменом никто не клал в ботинок пятак, чтобы получить пятерку. Здесь я не могу не заметить, что через полвека хорошую оценку стали добывать вполне научным способом: в зачетную книжку надо положить зеленую купюру. Очень помогает.

## ПОЧТИ ЧТО ИЗ НИЧЕГО

Конечно же, наши женщины не хуже своих матерей и бабушек могут вкусно накормить. Чего им не хватает, так это умения готовить «из ничего». У моей бабушки в мусорном ведре не было остатков продуктов - все шло в дело. Вечером сварить макароны, а утром поджарить - сытный завтрак. Картошку варить «в мундире», а потом уже жарить - очисток меньше. На праздники готовился пирог «бедный студент». Он состоял из муки и повидла. Повидла было мало, муки много, а сверху пирог посыпался своими же крошками.

Все надо было есть с хлебом. Колбасу нарезали тончайшими лепестками и раскладывали на толстом ломте хлеба. И мне до сих пор неловко есть колбасу большими кусками, тем более, без хлеба. В первые послевоенные годы на рынке все было дешевле и качеством выше, чем в магазине. Масло готовили и сами же продавали сельские тетки. Продавали еще по дореволюционному - фунтами. Мясо было парным, свежайшим. О холодильниках тогда и слухом не слыхали. Как-то я вычитал у Ильи Эренбурга, что «холодильный шкаф» не есть вершина желаний. Взрослые не могли мне объяснить, что это за шкаф такой.

Но рынок дорожал, а магазинное мясо чернело. И, помню, бабушка, которой уже было трудно ходить на базар, никак не могла понять, почему мама тратит на Бессарабке так много и почему все чаще делает покупки в магазинах. Вкусы у бабушки оставались дореволюционными, а возможности у мамы - послевоенными. Зато как необыкновенно вкусен был бабушкин борщ, в том числе и постный, то есть дешевый. Украинская кухня насчитывает не менее сорока видов борща, в том числе борщи по-чешски и по-венгерски. На самом деле это самые что ни на есть украинские борщи из Закарпатья. Уверен, что бабушка знала рецепт срок первого и сорок второго.

До сих пор в нашем доме ставят на стол бабушкин форшмак из селедки. Тайны его приготовления не существовало, кто хотел, получал рецепт, но ни у кого это блюдо не получалось таким вкусным, как у нас. Соседка тетя Валя стояла рядом с бабушкой и внимательно наблюдала за нехитрой процедурой: вынимаем из селедки кости, мелко-мелко рубим. Мясорубка была еще предметом роскоши, ее заменял широкий нож под названием «секач». Добавляем вареной картошечки, только сварить ее надо было вчера, добав-

ляем постное масло, булку в уксусе, натираем на терке яичко, лучок. Перемешиваем. «Тетя Аня, вы меня научите?» - «Симочка, об чем разговор?»

Симочка все делала правильно и все получалось невкусно.

Несмотря на Бабий Яр, 14 процентов киевлян были евреи, вследствие чего украинская кухня органически вросла в еврейскую и наоборот. На пасху еврейские бабушки красили в луковых «лушпайках» яйца, а украинки просили у дяди Арона мацу и тоже готовили из этой, откровенно говоря, невкусной пластинки нечто необыкновенное. Мацу мелко мололи или толкли, а из полученной муки делали изумительные кнедлики. Однажды я увидел это слово в меню ресторана в Праге. Увы, это было совсем не то. Ушли в прошлое хрустящие подушечки из мацы, которые бросали в тарелку с бульоном – не все сразу, а по две-три штучки, чтобы не размокли и сохранили свои хрустящие качества. А что такое яичница с мацой, кто это помнит? Кстати, самый вкусный суп с галушками я пробовал за еврейским столом, а самую вкусную фаршированную рыбу - за украинским. Не будем говорить о фаршированной рыбе. Считается, что фаршировать лучше всего щуку. Неправда! Я ел фаршированных карасей и карпов - с перцем, от которого горит во рту, и без перца. Не знаю, что вкусней.

А кто помнит «кисло-сладкое» - тающее во рту мясо под невероятным соусом? А кто из вас едал фаршированную курицу? С тушки снималась шкурка и начинялась фаршем, секрет приготовления которого, боюсь, уже уходит. И кто теперь умеет готовить из дешевых потрохов нечто божественное? Никто больше не покупает говяжьих мозги и правильно делает - говорят, так выглядят человеческие. Но поджаренные в сухарях они достойны царского стола. Только надо знать, как поджаривать.

Варить бульон тоже надо уметь. Хозяйки на глазок, но с математической точностью добавляли туда необходимые ингредиенты. Если бы бабушке предложили взвешивать на весах прежде, чем класть на сковородку, бабушка бы изумилась. Ее рука сама знала, чего и сколько требует блюдо.

Сегодня в любом супермаркете можно купить то, что тогда было дефицитом. Но за годы гражданской, отечественной и холодной войн женщины научились так ловко готовить «почти что из ничего», что когда в магазинах появились деликатесы, старушки отнеслись к ним скептически. Одна из них, приехав к зятю в Чехословакию, пренебрегла нежными филе и купила в мясной лавке самое дешевое - говяжьих хвосты. Из них она приготовила такие холодцы и супы, что зять и отвыкшая от нищеты дочь ели с каким-то религиозным восторгом.

Если мы действительно придем к изобилию, может случиться то же, что в Америке. Там, говорят, никто ничего не готовит, едят магазинное. Слава Богу, я до этого не доживу.

## БАЗАР - ЭТО ВСЕ-ТАКИ НЕ РЫНОК

- Дама, дама! - взывала торговка на Сенном базаре. - Купіть яблучка! Дивіться, які гарні!

- Сладкие? - подозрительно спрашивала «дама».

- Винные, - дипломатично отвечала торговка, и если «дамой» была моя мама или бабушка, я незаметно тянул ее в сторону. «Винные» означало кислые. А мы, дети, любили только сладкое.

Но сладкие яблоки стали нормой значительно позже, а в те времена их выращивали не так уж много, и знаменитая по тем временам «антоновка» была кислой. По крайней мере, на мой вкус. Но так прямо сказать торговке, что ее товар кислый, мне казалось недопустимой грубостью. Все-таки женщина ехала на рынок издалека, тащила на себе тя-

желые мешки и так любезно предлагала свои яблочки, а мы повернемся к ней спиной и пойдем к конкурирующей тетеньке.

Сегодня я жалею, что в детстве терпеть не мог ходить на базар. Мать и бабушка использовали меня в качестве подсобной силы, мне поручалось нести одну из ныне забытых плетеных «авосек». И мне следовало смиренно стоять и ждать, пока товар будет опробован, взвешен, отгружен и оплачен.

А между тем, рядом происходили интереснейшие события, порою не поддающиеся объяснению. Твердо помню, как какая-то покупательница попросила продавщицу отсыпать ей пару килограмм семечек в «авоську». Продавщица почему-то так и сделала. Покупательница подняла сеточку, и семечки остались лежать на прилавке. Взрослые порою оказывались глупее, чем можно было предположить. Не будь я так стеснен своими обязанностями носильщика при бабушке, я бы непременно выяснил, что себе думали безумные покупательница и продавщица, когда сыпали семечки в сетку с крупными ячейками. Эти семечки, столь ненавидимые школьными учителями и уборщицами, были сказочно вкусны. Мы, школьники, щелкали их в несметных количествах, несмотря на то, что тогда пронести в школу семечки было примерно то же, что сегодня пронести наркотик на борт самолета. Семечки были нашим наркотиком, особенно так называемый «конский зуб» - сегодня таких крупных я что-то не вижу. Семечки продавались не только стаканами, но и килограммами. А масло продавалось еще дореволюционными фунтами, яйца отсчитывали дюжинами. Порцию масла отрезали от большого куска тонкой проволокой с двумя деревянными ручками или «гусариком» - дужкой из толстой проволоки, стянутой тонкой режущей проволокой.

На базаре можно было увидеть, как воришка тянет с прилавка яблоко и услышать, как продавщица осыпает его виртуозными проклятиями. Один вор схватил с прилавка кулек фруктов и бросился бежать. За ним погнались. Понимая, что с кульком скрыться труднее, вор бросил его, но не на землю, а в урну с мусором. Это была месть преследователям и знак воровского превосходства: дескать, что попало в руки вора, то пропало.

- Зараза! Паразит!- кричала ему вслед торговка. - Щоб ти здохнул!

Увидел я на Сенном и страшную картину, весь ужас которой до меня дошел много позднее. Мальчик лет двенадцати на чистейшем еврейском языке просил милостыню. У него не было обеих ног. Кто подавал, кто нет. Сегодня мы и представить не можем, как война прошла по этому ребенку. Но тогда подобные картины были нередки, и не было семьи, куда война не принесла тяжелого несчастья.

Кроме Сенного базара мы ходили на Бессарабку. Она простиралась далеко за пределами крытого рынка, и дощатые прилавки длинной вереницей стояли на Бассейной улице. На Житний базар ходили жители Подола, а знаменитейший, воспетый в блатных песнях еврейский базар, он же Евбаз, был всеобщим, всекиевским, чем-то вроде тех вещей «блошинных рынков», которые до сих пор привлекают туристов в Европе. На Евбазе можно было купить все, что душе угодно, хотя справедливость требует отметить: там продавалось и краденое.

Евбаз находился на нынешней площади Победы, Сенной базар - на Львовской площади. Сейчас там сквер, там чище, чем когда-то. Но тогда было интереснее. Потом Сенной перенесли на улицу Воровского, где построили крытый рынок. Зачем его снесли? Что на его месте будет? Да что бы ни было, не следовало разрушать такую достопримечательность. Тем более что под стенами того рынка раскинулся базарчик, где можно было купить и антиквариат, и гвозди. Это про нас старый-престарый анекдот: до революции возле этого прилавка стояла бочка икры. Интересно, кому она мешала?

В странах Средней Азии, которую мы почему-то стали называть Центральной, даже при советской власти базары были, да и сейчас остаются гордостью города. В Ташкенте, в Самарканде уважаемого гостя в первую очередь везут на базар. Я там был. Зрелище великолепное. Но наши базары тоже были по-своему ярки и интересны. Что ни говори, а базар - это не рынок. Базар живописен, оригинален и неповторим.

### А НЕ СХОДИТЬ ЛИ НАМ В РЕСТОРАН?

В прошлый раз мы вспоминали киевские базары. Поднимемся на ступеньку выше, в рестораны. Советская власть считала их гнездилищем разврата. На моего деда это, однако, не производило ни малейшего впечатления. Он водил меня по ресторанам, о чем я со слегка скрытой гордостью рассказывал приятелям, а они со слегка скрытой завистью слушали мои рассказы.

Рожденный в 1888 году, дед еще успел нанять моей будущей матери гувернантку из Швейцарии, а бабушке привозил французские духи из Стамбула. Коробочка таких духов чудом сохранилась у нас и в военное время. Спустя столько лет она все еще хранила волшебный острый запах. Духи назывались «Лориган де Коти» по имени знаменитого французского парфюмера. Однажды дед рассказал при мне анекдот о том, как, развлекаясь с любовником, жена Коти увидела у входа в дом экипаж мужа. Мадам спрятала любовника в свой гардероб и держала его там часа два. Когда муж уехал, любовник выпал из шкафа со словами: «Ради бога, дайте понюхать кусочек (тут дед взглянул на меня и чуть убавил соли)... Кусочек дерьма».

От деда я узнал, что самое знаменитое киевское блюдо готовят в ресторане гостиницы «Театральной». Речь шла о том самом деволяе по-киевски, который в ходе борьбы с космополитизмом переименовали в котлету по-киевски. Слово «котлета» тоже иностранное. Но не до такой степени. Тогда сталинская пропаганда решила доказать, что все великое и прогрессивное рождалось в России. В Украине и других республиках СССР тоже рождалось много хорошего, но, конечно, не в таких масштабах, как в России. Развернулась борьба с преклонением перед Западом, и все слова иностранного происхождения заменялись русскими. В оперном театре балетная терминология, все эти па-де-труа, плиссе, аттитюд и батман, велено было заменить русскими аналогами, хотя таковых в природе нет. Удачнее прошла замена футбольных терминов, таких, как «бек», «хавбек» или «корнер». Вместо «голкипера» закрепилось хорошее слово «вратарь», а «пенальти» уживается с «одиннадцатиметровым».

Став котлетой, деволяй не утратил своих качеств. С грустью отмечаю, что нынешние котлеты по-киевски далеко не так хороши, как те, что мы с дедом ели в «Театральном». Правда, в молодости всё вкуснее. Вскоре после войны на углу Прорезной и Владимирской открылся коктейль-холл. Он просуществовал недолго, но родители пошли туда сразу, и взяли с собой меня. Боюсь, коктейль-холл был придуман с какой-то тайной мыслью. Официантки были все как на подбор красавицы. Мама не удержалась и спросила у той, что подошла к нашему столику: «почему вы все тут такие хорошенькие?» Девушка несколько не смутилась и ответила в том смысле, что так как-то сложилось. Мне заказали что-то безалкогольное, я тянул сладкий напиток через настоящую, а не пластиковую, как сейчас, соломинку. Со временем коктейль-холл упразднили, и на его месте возник ресторан «Лейпциг», которого, к сожалению, тоже нет.

Хорош был и ресторан «Кукушка» на Петровской аллее. Шпиль над рестораном украшала деревянная птичка. Это было летнее заведение, сравнительно недорогое, и туда захаживала молодежь - в отличие от более солидных ресторанов, таких, как «Лейпциг» или «Украина». В «Лейпциге» подавали очень хорошее мясо, а в «Украине» - вкус-

нейший борщ с дивной чесночной пампушкой. Обсчитывали в ресторанах все и всех. Но как-то раз, рассказывал мне парень из ЦК комсомола, ему поручили сопровождать по Киеву американского миллионера русского происхождения. В ресторане официант подал счет, не зная, что американец записал на салфетке цены всех блюд. «Вы ошиблись, - сказал миллионер, - на 5 рублей 21 копейку». Дал пятак на чай и пошел. «Вам так жалко эти 5 рублей?» - спросил комсомолец. Американец ответил высокомерно: «Мой друг, у меня достаточно денег, чтобы купить этот ресторан вместе с этим официантом. Но я не люблю, когда меня хотят обмануть те, кто глупее меня. А этот парень глупее. Иначе не он меня, а я бы его обслуживал».

Попасть в ресторан было трудно. Вечером приходилось либо выстоять очередь, либо давать взятку швейцару и проходить через черный ход. Вам могли подсадить за столик чужих людей. Трудно было проникнуть в модное кафе. Но я туда уже не ходил. Отвращение к советскому общепиту пришло после того, как я познакомился с бухгалтером кафе на Ленина, 3. «Знаете, кто у нас зарабатывает больше всех? - спросила она. - Посудомойка. Ей вся кухня отдает часть своих заработков за то, что она носит им недоеденные блюда». Оказывается, нам не только недовешивали и недокладывали. Нас еще и кормили чужими обедами. Так что вплоть до возрождения частной собственности в системе общественного питания я рестораны и столовые игнорировал.

## МАТЫ, МАТЫ, ЩО ВАМ ДАТИ?

Эта странная русско-украинская фраза вполне понятна каждому, кто в 40-х годах прошлого века гонял во дворе в футбол. Команды формировали два самых авторитетных пацана, так называемые маты. Они становились рядом, а игроки разбивались на пары, причем каждая состояла из игроков примерно равного мастерства. Каждая пара договаривалась: ты будешь бык, а я корова. Или: ты - веник, а я - метла. По большей части имена друг другу давались в высшей степени нецензурные, но мы не станем их здесь приводить.

Пары подходили к матам и произносили ритуальную фразу: «Маты, маты, що вам даты - елку или палку?» Один мат выбирал елку, другой - палку или как там еще мы себя называли. Елка шел направо, палка - налево. Получались две команды. Может, когда-то и где-то слова «Мати, мати, що вам дати?» относились к матери, но в нашем дворе на Михайловской они изменили свое значение.

Эта процедура называлась матаньем (ударение на первом слогe). Столь же популярен был глагол «мотаться». Это значило отбирать мяч. Кто успешно выковыривал его из ног соперника, тот умел «здорово мотаться». Это очень хорошо получалось у Витьки Ежова из 14-го дома на Михайловской. Но лучше всех на свете мотался легендарный советский футболист Пека (Петр) Дементьев, непревзойденный мастер финта. Если бы в те давние времена наши спортсмены ездили по миру, как сейчас, Пека заслужил бы такую же славу, как Пеле. Так говорил мне старый спортивный журналист Володя Маевский, и я ему верил, потому что видел, как играет уже постаревший Пека.

Нашим кумиром было, разумеется, киевское «Динамо», тогда довольно слабая команда, которая однажды чуть было не вылетела из высшей лиги. Но мы болели только за «Динамо». В этой команде играли знаменитые по тем временам Павел Виньковатов, нападающий, и Абрам Лерман, защитник. Среди нас, мальчишек, защитников не было, мы все были исключительно нападающими, поэтому Виньковатов, мы называли его по-своему Пашей, стоял чуть выше Лермана. Но Абраша тоже считался великим футболи-

стом, хотя однажды на наших глазах забил гол в свои ворота. Мы его великодушно простили - с кем не бывает.

В один великий день диктор перед началом матча объявил по стадиону, что группе игроков киевского «Динамо», в том числе Виньковатому и Лерману, присвоены почетные звания мастеров спорта СССР. Стадион ликовал. Мы верили, что со временем будут у нас и заслуженные мастера спорта.

Футбольные матчи проходили на стадионе «Динамо». Тогда он был меньше нынешнего, но гораздо уютнее. На южных трибунах между скамейками росли высокие старые деревья, на которых как воробьи сидели безбилетные мальчишки. Мои родители, тоже болельщики, рассказывали об этих мальчишках интересную историю. Но прежде, чем выслушать ее, вспомните тогдашнего секретаря ЦК компартии Украины и одновременно секретаря Киевского обкома и горкома Павла Постышева. Сегодня он печально известен, как один из организаторов голодомора на Украине, но тогда он был любимцем киевлян. Постышев ходил по улицам без охраны, мама не раз видела, как секретарь горкома, обкома и ЦК - в руке газетка, вышитая украинская сорочка - зашел в магазин на Михайловской, глянул на прилавки, что-то для себя отметил, что-то решил и пошел дальше.

Постышев разрешил устраивать детям новогодние елки, запрещенные большевиками как пережиток и суеверие. Это Павлу Петровичу с благодарностью вспоминали много лет спустя после того, как в 1939 году он был расстрелян. Позже рассказывали, что именно Постышеву принадлежала идея сноса Златоверхого Михайловского собора. Говорили, что Постышев предполагал снести также и Софийский собор, чтобы на освободившихся площадях соорудить нечто в высшей степени помпезное. Но поскольку Постышев оказался врагом народа, то Софию оставили в покое. Несколько раз добрый Постышев велел открывать ворота на стадион «Динамо» для безбилетных мальчишек. С воплями восторга они рассаживались на свободных местах по трибунам и по деревьям. И вот однажды, рассказывала мне мать, перед началом футбольного матча на стадионе появилась долговящая фигура Павла Петровича. С криками «Постыш приехал!» мальчишки посыпались с деревьев и бросились к нему. Мать рассказывала, что Постышев как былинка раскачивался среди моря мальчишечьих голов, глядя их нестриженные вихры.

А в деревнях сотни тысяч таких же мальчишек пухли и умирали от голода. Зато городским детям на Новый год зажигали елки, и партийный секретарь разрешал пускать на стадион безбилетных пацанов.

#### «В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я...»

Моему поколению не очень повезло с учением. После войны в школах, в частности, в моей 25-й, размещались госпитали. Пришлось некоторое время ходить в 6-ю школу, (там теперь дипломатическая академия), где мы сидели по трое за одной партой.

К сожалению, знания моих однокашников, в том числе и мои, имели серьезные пробелы. В эвакуации, в оккупации многие дети не учились, и в нашем третьем классе были ребята, не знавшие таблицы умножения. Учителя не могли заниматься с каждым в отдельности, так мы и переходили из класса в класс недоучками. С годами пробелы как-то заполнялись, но учеба шла трудно. Высидеть 45 минут в душном классе было тяжело, поэтому мы искали отдушины в шалостях, порою жестоких.

- Ррота! - вполголоса командовал кто-нибудь из нас, - шагом марш!

И весь класс, сложив руки на парте и глядя на учительницу невинными глазами, начинал ритмично топтать под партой ногами.

- Перестаньте тупотеть! - страшно кричала завуч Павлина Ивановна, но класс тупотел, и для нас это была хорошая разрядка.

«Ррота! - командовал зачинщик, когда взор Павлины Ивановны был обращен в сторону. - Рота, стой!»

Туп-туп! - дисциплинированно останавливался класс.

В другой раз подавалась авиационная команда: «Покрышкин в воздухе!»

- М-м-м, - гудел класс с закрытыми ртами и взорами, преданно устремленными на учительницу.

Кто-то сбрасывал бомбу: «Тю-у-у! Бумм!» А эскадрилья - «М-м-м!» - летела дальше.

Порою в классе взрывались почти настоящие бомбы.

В гильзу от мелкокалиберной винтовки нарезались головки от спичек. Гильзу плотно зажимали плоскогубцами, обматывали ватой, заливали воском и поджигали. На последней парте или где-то в углу воск горел довольно долго, урок уже шел, как вдруг раздавался взрыв, по классу тянулся дым, начинался ужасный скандал, искали виновных, но не находили. Это было жестоко по отношению к бедным учителям.

В те времена мальчики и девочки учились отдельно (к счастью, только в городах) и мужские школы считались босяцкими - порою небезосновательно.

Мы, однако, не были тупыми хулиганами и наши развлечения не всегда были чело-веконенавистническими. Жаль, что давно и прочно забыта наша игра «в доп-доп». Вот ее правила.

По обе стороны учительского стола выстраивались две команды по пять человек. Два капитана бросали жребий, угадавший брал в руки монетку, стучал ею по столу и приговаривал:

Доп-доп! Доп-доп! И-и-и...» При слове «и-и-и» руки прятали под стол, там монетку передавали один другому так, чтобы противники не видели.

- И-и-и!... - редела команда, владеющая монетой, - и-и-и! (рев достигал апогея) - и! Гоп!!!

Со словом «гоп!» десять рук с грохотом обрушивались на стол. Под одной из десяти ладоней пряталась монета. Капитан противника должен был ее обнаружить. Подсказывать ему могла вся его команда, но противники слушали только чужого капитана.

- Убери! - указывал он на ладонь, под которой, по его мнению, монеты не было.

- Дай! - командовал он, если был уверен, что под этой ладошкой монета есть. Побеждала та команда, которая ее обнаруживала. Монета переходила в другие руки и все повторялось:

- Доп-доп, доп-доп! И-и-и гоп!!!

Игра требовала немалой наблюдательности и интуиции. Капитан щупал у противников пульс, заглядывал в глаза, постукивал по столу, задавал каверзные вопросы. Так было проломлено несколько учительских столов. Да и то сказать, что делали их из слабой фанеры.

## КАК ОТОРВАЛСЯ КУСОК ОТ СОЛНЦА

Сейчас я уже не помню, в каком году Земля была на краю гибели - то ли в 45-м, то ли годом-двумя позже. Но мне не забыть, как Витька Водотиевский метался вокруг учительницы и только что за юбку ее не хватал: «Елена Александровна! Елена Александровна! От Солнца оторвался кусок планеты!»

Но Елена Александровна, видимо, уже была в курсе дела и не обращала на Витьку никакого внимания. С ее стороны это было непозволительным легкомыслием. Витьку можно было понять. Он хотел первым сообщить страшную новость если не всему человечеству, то хотя бы учительнице. Но он несколько исказил картину. От Солнца оторвал-

ся не «кусочек планеты», а фрагмент. И полетел в направлении Земли. Если упадет на сушу, Земля сгорит. Если в море - Землю затопит.

Откуда брались эти нелепые слухи, понять невозможно. Как невозможно понять, почему пресса и радио обходили их глубочайшим молчанием. Но слухи ходили самые страшные и распространялись с чудовищной скоростью, без помощи средств массовой информации. Это сейчас можно прочитать или посмотреть кино о страшных метеоритах, устремившихся на нашу планету. А тогда о таких вещах говорили на базарах и на кухнях, и не только о таких ужасах, как летящий к Земле кусочек Солнца.

Регулярно Киев потрясали слухи о кошмарных преступлениях. Война, а точнее войны, которые постоянно вел СССР - то с белыми, то с шпионами и диверсантами, то с финнами, то с немцами и постоянно с собственным народом, - немало поспособствовали росту преступности. С нею росла и бандитская романтика. У мальчишек высшим шиком считались сапоги гармошкой и кепчонка с пуговкой. Так ходили блатные. Их столицей считалась, конечно, Одесса-мама. Киев слегка завидовал и известную песенку из репертуара Утесова спародировал на свой лад: «Ты одессит Мишка, скидай пальтишко. Ведь киевлянин оказался на пути...»

И «черная кошка» из знаменитого фильма о месте встречи - не выдумка. О «черной кошке» ходили страшные слухи, нашедшие отражение в песенке: «Черные стрелки обходят циферблат, быстро, как белки, колесики стучат. Идут, идут минуты, идут, идут часы, едут, едут в Киев черные коты». Они приезжали на вокзал, отцепляли товарный вагон, ну, и так далее.

Однажды Киев переполошили слухи о неуловимой банде молоточников: они-де ходят по городу с молотками в кармане. Увидят человека в пустынном месте, тук молоточком в затылок - и конец.

Как-то вечером, возвращаясь домой, я встретил у подъезда соседку тетю Асю. Она стояла у парадного и ждала кого-нибудь, чтобы не входить одной. Защитник из меня был никакой, но другого не было. Мы вошли в темное парадное (лампочки выкрутили еще до войны) и с ужасом увидели на лестнице неподвижную мужскую фигуру. Фигура зловеще стояла у дверей квартиры напротив нашей. Бежать было поздно. Тетя Ася нажала кнопку звонка, вдавила ее в стену и не отпускала. Дикий звон раздавался в глубине нашей коммуналки и на лестнице не был слышен. Зато были слышны крики бабушки Анны Исааковны, которая бежала открывать, охваченная тем же ужасом, что и мы. Дверь распахнулась, мы влетели в нее, закрылись на все замки и перевели дух.

На следующий день оказалось, что мрачный тип на лестнице ждал дочку. Она сидела в гостях и боялась идти домой одна, потому что по углам таились молоточники. Почему папа не зашел за дочкой, а стоял на лестнице - уму непостижимо. Он ведь тоже боялся убийц с молотками.

Время от времени прокатывались слухи, что скоро начнется война. Придя с базара, бабушка рассказала, что слышала от таких же бабушек, будто вчера на небе появилось облако, в виде ружья. Это означало только одно - войну. На самом деле, как я понимаю сейчас, это означало, что на вооружение Советской армии поступили реактивные самолеты, и ружье на небе было всего лишь инверсионным следом. Что у нас есть реактивные самолеты было строжайшей военной тайной, известной только нашему командованию и всем империалистам.

## НЕ РАССТАНУСЬ С КОМСОМОЛОМ!

Я страдал из-за того, что родился не в начале года, а в конце. Я завидовал. Я страшно завидовал одноклассникам, когда в 1949 году они один за другим стали вступать

в комсомол. Они вошли в элиту, их приглашали в райком комсомола, в это святилище, куда не ступала нога пионера. И там члены бюро, небожители, совершали священнодействие – вручали комсомольские билеты. А я, имевший несчастье родиться в ноябре, должен был носить детский пионерский галстук. Конечно, я его не носил. Мои мучения закончились тем, что я обманул комсомол, как обманывали военкомов юные добровольцы в период Великой отечественной войны, когда шли на фронт несовершеннолетними. Я поступил в комсомол за две недели до своего дня рождения. Дальше терпеть не было сил. На собрании я ответил на все вопросы старших, которые гоняли нас по уставу комсомола и непременно спрашивали, кто секретарь коммунистической партии Франции? А Италии? А кто генеральный секретарь Монгольской народно-революционной партии? В ответ на этот вопрос Ким Меламед рявкнул: «Генералиссимус Цеденбал!» Но тут же исправился: «Ой, нет, генералиссимус - это Чан Кайши». Кимку великодушно простили.

Пройдя чистилище, мы с трепетом вошли в райком на улице Артема и стали ждать минуты, когда нам пожмут руки и вручат комсомольские билеты. Но процедуру пришлось отложить на целых 60 минут. Вытерпеть еще один час было выше наших сил, но пришлось. По райкому пронесся подземный гул, дрогнули стены: едет сын Хрущева. Он тоже должен был получить комсомольский билет. И я своими глазами увидел, как комсомольская девушка из отдела учета старательно вывела в документах: Хрущев Сергей Никитич. Могла ли она даже в страшном сне вообразить, что сын первого секретаря ЦК КП(б)У вырастет, выучится на ученого и уедет из Страны Советов в страну империализма, чтобы там жить и работать...

Сергей Хрущев, необыкновенно похожий на папу, хотя и не в папу худенький, приехал со своими одноклассниками, вел себя скромно и тихо, тоже волновался. Разумеется, его пригласили на бюро первым. Потом комсомольские билеты получили его спутники, а уж потом - мы. Хотя мы приехали раньше и по справедливости первыми должны были пригласить нас.

Впрочем, все это забылось, когда в левый (ближе к сердцу) нагрудный карман мы положили красные книжечки, а на грудь прикололи красные значки. Скромный значок вместо кричащего красного галстука - как это поднимало меня в моих же глазах и в глазах тех несчастных, которые родились в самом конце года. Они топтались в коридоре, когда мы на наших комсомольских собраниях «решали вопросы» нашей комсомольской жизни.

Потом я подрался с Дэвиком Разинским. Почему подрался - забыл, кто победил - тоже не помню. Но никогда не забуду, что меня вызвали, не пригласили, а вызвали, на бюро райкома. Теперь я уже не мог обманывать комсомол. Я должен был говорить ему правду, пусть даже самую горькую. Я обязан был соблюдать одно из важнейших требований, предъявляемых к комсомольцу уставом ВЛКСМ, - быть самокритичным. И я самокритично взял на себя всю вину, даже несколько преувеличив свою роль в драке. Ибо это недостойно комсомольца - выкручиваться и юлить, не проявляя самокритичности. Бюро не приняло во внимание мою самоотверженность и без каких-либо переживаний, как бы между прочим, обмениваясь шутками, не понимая, что за драма разыгрывается в моей душе, вlepило мне выговор с занесением в учетную карточку - по предложению члена бюро, которого я возненавидел до конца дней своих. Фамилия его была Юхт. Пусть простит меня господин Юхт, если он жив, и пусть простят меня его родственники, если они прочитают эти строки, но я еще не понимал, что с такой фамилией товарищу Юхту надо было проявлять особенно высокую требовательность и принципиальность, чтобы куда-нибудь продвинуться из бюро райкома комсомола. И я получил выговор.

Это была катастрофа. Как жить дальше? Но надо было жить, и только в 1956 году, когда меняли комсомольские билеты, девушка уже из другого райкома, глянув в мою

учетную карточку, с удивлением сказала: «Зачем вы так долго носили этот выговор? Давно снять надо было». И выписала мне новую карточку, уже чистую. Не понимала комсомолка, что не мог я прийти в райком и сказать: «Товарищи! Я исправился. Я начал иную жизнь! Я никогда больше не буду драться с товарищами по комсомолу. Только с врагами». Это было бы с моей стороны тем комчванством, которое так гневно клеймил товарищ Ленин.

К тому же наши отношения с комсомолом уже стали вполне деловыми: я откупался от него, аккуратно платя членские взносы, а он не обращал на меня ни малейшего внимания.

Но время от времени, перебирая старые документы, я смотрю на свой комсомольский билет и вижу себя таким юным... Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым. По крайней мере, хотелось бы.

## КАК МЫ СТАЛИ МУЖЧИНАМИ

Это случилось зимним вечером 1951 года, когда мы - мальчишки 28-й школы Юра, Изя и я вместе с девочками из 48-й школы Нелей, Аллой и Леной покидали каток на стадионе «Динамо». Зимы тогда были холодными и каток работал до весны.

Собственные коньки - это нашим родителям было не по карману, но коньки «гаги» можно было за копейки взять напрокат в раздевалке стадиона. Малыши катались на «снегурках», которые часто просто привязывали к валенкам веревочкой. Кое-кто из взрослых щеголял «ножами» - так назывались настоящие беговые коньки.

Темными вечерами на стадионе в свете прожекторов и под звуки музыки волшебным образом кружился снег. Мы катались до онемения ног. Иногда бегали поодиночке, но вообще-то предпочитали летать по льду, взявшись за руки. Прикосновения теплых рук наших спутниц – это волновало и рождало смутные надежды.

Наши отношения с девочками были романтическими, но не более того. Директор 48-й школы Нина Николаевна, гениальный педагог, носила наглухо закрытые платья с высоким воротником. Ее 48-я школа считалась экспериментальной. Эксперимент заключался в том, что здесь учились мальчики и девочки. Остальные городские школы были «раздельными», эта - «смешанной». Тогда это было довольно смело, при жизни Сталина всё подгоняли под дореволюционные стандарты, в том числе белогвардейские погоны и гимназические формы. Вождю это нравилось. Школьницы носили коричневые платья с черными в будни и белыми в праздники фартучками. Честно говоря, эта форма, ненавидимая девочками, была красивой и продержалась очень долго.

Не допускалось никаких вольностей в прическах. Заплетались две косички, порою довольно жалкие, лучше было бы стричься. Хвостик правой косички прикреплялся черным бантиком к корню левой, а хвостик левой - к правому корню. Так продолжалось до выпускного бала. Девчонки наглели и делали себе нормальные прически.

В десятом «а» 48-й школы среди толпы девочек был только один мальчик. Классная руководительница, Ася Ароновна, тоже замечательный педагог, держалась от экспериментов подальше. Может, потому ее ученицы сдружились с нами, босяками из 28-й. Дело дошло до того, что когда одного из босяков, а именно меня, попросили поискать себе какую-нибудь другую школу, подружки походатайствовали обо мне перед своим директором, и Нина Николаевна великодушно взяла меня в свою школу, о чем, возможно, впоследствии пожалела.

Но еще до этого события я познакомился со Светланой, старостой класса Аси Ароновны. После гуляния по Крещатику и Парковой аллеи мальчишки должны были обяза-

тельно проводить девчонок до дома. Мне выпало провожать Светлану. Прощаясь, мы пожали друг другу руки и ее рука оказалась по-мужски крепкой. Мне это очень понравилось, и через восемь лет мы поженились.

Еще учась в своей «мужской» 28-й школе, я предложил пригласить к нам «на праздничный вечер» девочек из 48-й. Наш классный руководитель Абрам Савельевич принял самое деятельное участие в подготовке вечера. Накануне бала он давал последние установки. В том числе и такую, что привела нас в некоторое смущение. «Туалет! - своим громовым голосом произнес классный. - Мужской на первом, женский - на втором!»

Девочки пришли всем классом одновременно. Чтобы никто не выделялся дорогим нарядом, все надели школьную форму и белые фартучки. Как сейчас помню эту ослепительную волну в белой пене, накатившуюся на наш школьный двор.

В 1953 году на выпускной бал наши подружки, как и все киевские школьницы надели белые платья. Надеть нечто цветное было бы вопиющим нарушением священного обычая. По традиции выпускники веселились всю ночь, но без водки и вина, а утром шли на Владимирскую горку и в Первомайский парк встречать рассвет. Перед нами расстилался знаменитый булгаковский вид на Подол и левый берег, солнце поднималось на горизонте, еще не загроможденном строениями, и это было невыразимо прекрасное зрелище.

Но прекраснее всего были белоснежные фигурки на высоком днепровском берегу.

Вернемся, однако, на каток, откуда мы возвращались домой в тот зимний вечер 1951 года. Вышли под колоннаду стадиона «Динамо», и тут девчонки переглянулись, кивнули и разом взяли нас под руки. У нас перехватило дыхание. Мы никогда еще не ходили с девочками под руку. Но все сделали вид, что ничего такого не случилось.

Мы стали мужчинами.

## ЛУРИК И ЛУРИК НА ВАТЕ

Я попробовал докопаться до происхождения и значения этого странного слова «лурик». Тем более что есть просто себе лурик, а есть лурик на вате. Не нашел ни у Даля, ни у Гринченко, ни в современных словарях. Мне сразу следовало спросить у тех, от кого я впервые услышал это слово, что оно значит. Но, во-первых, это было очень давно, когда вопросы этимологии меня не интересовали. А, во-вторых, те два пожилых еврея, которые ссорились и обзывали один другого луриком, да еще и на вате, были несколько подвыпившие. Полвека назад мне приходилось изредка слышать это слово, но оно уже выходило из употребления и оставалось в лексиконе людей, родившихся в позапрошлом веке.

Несколько проще было со словом «гимон». Я услышал его тоже полвека назад и при трагических обстоятельствах. В соседней комнате раздался страшный грохот и вопль. Мы ворвались туда и увидели сельскую девушку Нину, впервые попавшую в такой громадный город, каким казался ей тогдашний маленький Киев. Пав на колени, Нина крестилась и, похоже, ожидала Страшного Суда. На полу валялись осколки вазы. Целой ваза стояла на тумбочке. Под вазой лежала вышитая салфеточка. Сквозняк шелохнул ее бахрому, и кот Тимофей как безумный, «як той гимон», сказала Нина, бросился на салфетку, вазу грохнул, а девушку напугал. Я понял, что гимон это нечистая сила, демон.

Закончив школу и не поступив в вуз, я пошел работать в типографию, где подружился с двумя такими же оболтусами. Один из них, как и Нина, сельский хлопец, артистически рассказывал историю своей землячки, горластой бабы, которую бросил муж. Баба устроила страшный скандал, она шла по селу и орала во все горло: «Годила його, годила, мазану юшку варила, а він узяв та й покинув, паразит, щоб його об дорогу кидало!» Визливо прокричите эти слова, и успех вам обеспечен, публика помрет со смеху. Я не сразу понял, что такое «мазана юшка». Хлопец объяснил: в их селе так называли суп, в состав

которого входило сало. В некогда изобильной Украине, где, как я слышал от одного председателя колхоза, урожай бывает либо хорошим, либо очень хорошим, так называемые «жиры» стали дефицитом.

Не хочется слыть старым брюзгой, у которого в прежние времена все было лучше. Прежде все было хуже, но две вещи я вспоминаю с улыбкой: молодость и язык. Внучка Света говорит бабушке Кате: «Во, как ты много съела». На что бабушка отвечает: «Ты тоже за ухо не клала». А моя бабушка, когда хотела что-то или кого-то раскритиковать, прибегала к выражению «Чтоб оно густо сеялось и редко всходило». Это относилось и к таким отрицательным персонажам, как заокеанские поджигатели войны и к соседке, не пожелавшей уплатить 15 копеек за общее пользование электричеством в туалете. Кстати, туалетом называли тогда красивый наряд. А то, что вы имеете в виду, называлось уборной.

От уже упомянутой девочки Нины я много раз слышал изумительное сравнение: «Довгий, як московська пісня». Это сравнение тоже было всеобъемлющим и могло относиться как к скучному разговору или бесконечной зиме, так и к хвосту или усам пресловутого кота Тимофея.

Напыщенных людей с большим самомнением, но мало чего стоящих, моя бабушка называла «гимерой-разбойник». Согласитесь, что неправильное слово «гимерой» это не совсем то, что совершенно правильное «геморрой». В этой неграмотной фразе содержался ядовитейший намек на лже-героизм обвиняемого.

Моя мать была интеллигентной женщиной и ее коробила речь тогдашней молодежи, изобиловавшая словесными блоками. Как, впрочем, и теперь. Когда мои приятели говорили, что Абраша «больной на голову, а лечит ноги», маму передергивало. Точно так же она не могла без ужаса слышать «Меня такая смехотура разобрала!» Или типично киевское «Прямо сейчас! Беру разгон с Подола!» Этот блок употреблялся в ответ на какое-нибудь унижительное предложение, например, подежурить в классе вместо другого. То есть вытирать доску, приносить мел и докладывать учителям, кого в классе нет. Любопытно, что и сегодня можно услышать эти выражения, но уже не в серьезном разговоре, а в утонченном ироническом контексте интеллектуальной беседы.

А вот что, кажется, исчезло навсегда, так это ссылка на великого русского поэта Пушкина в критические моменты жизни. «Кто будет вместо тебя дежурить? - в гневе восклицал классный руководитель, - Пушкин?» Такие слова имели огромное воспитательное значение, и в одном выпускном сочинении какой-то десятиклассник написал, что Пушкин навечно остался в памяти народной, и это видно уже из того, как наш народ-труженик укоряет лентяев: «Кто будет за тебя работать? Пушкин?»

## И СНОВА ОБ ЭТОМ ЗАГАДОЧНОМ ЛУРИКЕ

Через несколько дней после того, как я рассказал в газете о загадочном слове «лурик», и даже «лурик на вате» слове, которым много лет назад двое почтенных киевлян обзывали один другого, мне позвонил Владимир Алексеевич Лысак, старый киевский обувщик, и рассказал, что лурик - это плохо сделанная, испорченная обувь. «Повесь этот лурик на елку», говорили сапожники на Подоле об «убитой» паре.

Сапожников в Киеве было много, и это были хорошие мастера. В далекие довоенные и в первые послевоенные годы состоятельные люди шили себе обувь у сапожника, а не покупали в магазине. Обувь, пошитая «на заказ», может, и не всегда была красивее фабричной, но что она была удобнее, так это уж точно.

Нашей семье услуги сапожников-модельеров были не по карману, но в победный период войны, когда Красная Армия была уже на чужой территории, отец прислал нам

обувь из Европы. Это была неудачная попытка. В Австрии отец купил мне красивые туфли, но, увы, они оказались девичьими. Я их ненавидел, но ничего другого носить было нечего. А маме - то ли по почте, то ли с оказией через какого-то офицера, ехавшего в Киев на побывку, или по делам – пришла посылка с несколькими парами красивых дамских туфель. Все разных размеров, от 33-го до 40-го. Отец, как водится, забыл, какой размер носит его жена, и купил несколько пар. Подошла, конечно же, не самая красивая. Остальные долго истлевали в шкафу. Торговать туфлями мама стеснялась, а подарить оказалось некому. У подруг размер ноги был такой же, как у нее.

Летом мужчины носили парусиновые туфли, которые считались нарядными, пока к вечеру не становились серыми. Тогда парусиновые туфли чистили, точнее, мазали зубным порошком, разведенным в воде до консистенции каши. Порошок высыхал, и клубился облачком вокруг каждой туфли, зато обувь некоторое время была белой.

В Киеве работали крупные обувные предприятия. В частности, первая фабрика, она же обувное объединение «Киев», шестая и четвертая обувные фабрики. Шестая делала модельную обувь, а четвертая вшила и модельную, и солдатские чеботы чуть ли не для всех армий Варшавского договора. Нас, киевлян, разумеется, больше интересовали первая и шестая, но скорее это был умозрительный интерес. Носить советскую обувь было опасно. Она уродовала ноги. Но тот же Владимир Андреевич рассказывал, как двое киевских сапожников делали пару туфель - одну правую, другую левую. Когда обе туфли взвесили, оказалось, что они весят абсолютно одинаково. Мастера у нас были, только трудились они для избранных. Очень хорошее ателье индпошива «Коммунар» обслуживало работников Совета министров. Еще лучшее ателье индпошива «Люкс» работало только для сотрудников ЦК.

Однажды несбалансированность двух начал - частного и государственного – слегка оконфузила социалистический строй. На очень авторитетной выставке, если не ошибаюсь, на Всемирной в Канаде, в украинском павильоне выставили и обувь. Одна пара канадцам понравилась, и они заказали для себя целую партию. Это было ужасно. Выставочную пару делали вручную, на наш конвейер она не шла, наш конвейер на такое качество не был рассчитан.

Чтобы не уронить престиж социалистической родины, собрали настоящих мастеров, и они тачали злосчастную партию руками.

А в остальном все было хорошо. В целом. Обувные фабрики выполняли план. План спускался сверху, над ним работали специалисты по социалистической экономике. Согласно плану, в торговую сеть поступало положенное количество обуви. Куда она девалась потом, сказать трудно, я, например, ее не покупал. Ходил в стоптанных ботинках, потерявших внешний облик, но это было лучше, чем носить каторжные «коты», как говорили наши бабушки.

Что вы, молодые знаете о стертых ногах? Разве что девушки на высочайших каблучках. Но девушки страдают, чтобы быть красивыми, а для чего страдали мы, мужчины? Для чего страдали, не имея возможности сказать об этом, младенцы, которым надевали негибкие «сандалики». Они не гнулись, но родителям объяснили, что согласно суровым законам ортопедии детям надо носить обувь жесткую и негнущуюся.

Под громадиной магазина «Обувь» на Крещатике, под Центральным универмагом и под всеми прочими торговыми точками, где продавали обувь, стояли застенчивые женщины с импортной обувью в руках: купите, Христа ради. Этот импорт они, не меряя, хватали с прилавков, отстояв перед этим часок-другой в очереди. Но дома оказывалось, что иностранный 37-й номер это не обязательно отечественный 37-й. Размеры не совпадали, продавать добытое

таким трудом не хотелось, а надо было. Так что луриками оказывались не обязательно наши ботинки. Попадали в эту категорию и импортные.

### «НАМ ВЕСЕЛО ЖИВЕТСЯ, МЫ ПЕСЕНКУ ПОЕМ...»

Порою эту славную песенку насвистываем и мы, старики. А ведь появилась она не в самые веселые времена. Не помню, рассказывал ли я, как в 1946 году накануне какого-то советского праздника десятиклассник из соседнего дома, украшая свой школьный класс, взял портрет Сталина и задумчиво сказал: «Куда бы его присобачить?» Парень вышел из заключения в 1956 году. И, тем не менее, в те годы мы радовались жизни не меньше, чем сегодня.

Самым популярным развлечением было кино. Один и тот же фильм шел практически на всех экранах. Если «Кубанские казаки» или «Падение Берлина», то и в центре, и на окраине те же казаки и то же падение. Но хитом был четырехсерийный «Тарзан», самая настоящая нелицензионная продукция, замаскированная под военный трофей. Перед началом каждой такой картины шли титры: «Фильм взят в качестве трофея». Герой, дикий человек, но в душе благородный, качался на лианах и оглушительно орал. Этот вопль мы повторяли в школе, дома и на улицах.

Там, где теперь Майдан Незалежности, тогда площадь Калинина, на месте нынешнего Дворца профсоюзов стояло более скромное здание с мемориальной доской, свидетельствовавшей, что в гражданскую войну здесь был штаб Щорса. Помимо каких-то учреждений там располагался и Дом учителя с небольшим концертным залом, где регулярно давались концерты. В них участвовали самые разные люди - фокусник и сопрано, куплетист и чтец-декламатор. Однажды меня изумил жонглер. Кидая свои булавы под аккомпанемент рояля, он вдруг остановился и заговорил нецирковым голосом: «Нет, Петр Николаевич, я так не могу! Ну что это такое!» И ушел со сцены. Невидимый Петр Николаевич высрал на сцену маленького человечка с железкой в руке, человечек отодвинул аккомпаниатора, сидевшего за роялем, и стал настраивать инструмент. После чего жонглер снова вышел на эстраду и исполнил свой замысловатый номер уже без остановок.

Помню певицу с прекрасным голосом, но шепелявую. «Помнишь ли ты, - пела она вся в бальном туалете, - как улыбалошь нам фястье?»

Чтецы-декламаторы с особенным успехом читали Зоценко, пока его не запретили, Чехова и Шолом-Алейхема. Последний пользовался особым успехом, поскольку зал наполовину состоял из евреев. Знаменитый артист Эммануил Каминка читал еврейские рассказы по-русски, но время от времени вставлял туда словечки, по которым чувствовалось, что он мог бы прочитать рассказ и в оригинале. Зрители просили еще, но чтец отказался: «Не могу же я все время читать Шолом-Алейхема». Артисты и публика общались по-домашнему.

А однажды на сцену Дома учителя вышли два молодых и никому не известных эстрадника. Один - в рабочем комбинезоне, второй - при галстукке. Тот, что поменьше - электрик по кличке Штепсель. Второго звали Тарапунька. Это были незабвенные Юрий Тимошенко и Ефим Березин. Монтер Штепсель установил на столе у Тарапуньки несколько телефонов, поскольку тот стал начальником, и одного телефона ему было мало. Но разговаривать было не с кем, и он стал названивать кому попало и молоть всякую чушь. Это было так смешно, что публика лезла под стулья, у меня болел живот от хохота. Под конец Тарапунька дозвонился до самого себя, Штепсель вышел из-за кулис и позвал его к другому телефону. Артисты ушли под рев зала.

Уже много позже, когда они стали знаменитостями, номер отсняли на кинолентку. Было смешно, но совсем не так, как в ободранном зале Дома учителя.

Через много лет к нам на телевидение пришла на работу дочка Березина, милейшая девочка. Как-то веселой компанией мы пришли к ней домой. Папы не было, нас приняла мама. Я сразу сказал, что пиво будем пить на кухне. «Ну, зачем же! - сказала мама с консерваторским образованием. - Идемте в комнаты». В комнатах стояла немыслимая по тем временам мебель, обитая немыслимой тканью. Влажная бутылка пива выскользнула у меня из рук, ударилась о столик и не разбилась, а взорвалась, заливая мебель такой пеной, словно это был огнетушитель. «Ничего страшного», - сказала деликатная мама, увела нас на кухню и в комнаты уже не впускала.

С Тимошенко я познакомился примерно в то же время. Наши дети учились в одном классе, и Юрий Трофимович объявил нас братьями по классу. Это был необыкновенно остроумный человек и изумительный рассказчик. От его устных импровизаций даже искушенная публика помирала со смеху. Хотя говорил он, например, о том, как в доме отдыха познакомился с бывшим партийным, потом советским, и, наконец, профсоюзным работником. Появись этот рассказ в печати, он был бы вовсе не смешным. Но подобно тому, как царь Мидас все обращал в золото, так Тимошенко делал смешным все, к чему прикасался. Правда, тогда уже и сама жизнь стала не трагической, как «в ревушие сороковые», а по-хрущевски и по-брежневски комичной.

## КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

9 марта 1953 года страна прощалась со Сталиным. Вождь всех народов и корифей всех наук временно упокоился в мавзолее рядом с Лениным. Через три года Сталина вынесли из мавзолея и разоблачили культ личности.

Я всегда рассказываю, что от культа личности пострадал дважды. Впервые - в 1947 году, когда учился в четвертом классе 25-й школы. Это была мужская школа, что означало абсолютное отсутствие для нас, мальчишек, каких-либо сдерживающих центров. Вследствие этого на одной переменке подрались Сорока с Гофштейном. Додраться или, как мы тогда говорили, «достукаться» до конца переменки они не успели, и разрешение конфликта было перенесено «на после уроков». Будучи ребенком начитанным и склонным к сочинительству, я быстро накатал объявление, где сообщал, что после уроков «состоится драка и стукалка» между Сорокой и Гофштейном. Далее шли условия проведения «стукалки» и правила поведения публики. Объявление имело оглушительный успех, и кто-то прилепил бумажку на окно в коридоре для всеобщего обозрения.

К концу уроков о драке забыли, но на завтра моего отца вызвали в школу. Предвидя серьезный разговор, он надел ордена и явился к директору.

Директор на фронте не был и потому испытывал перед отцом с его орденами чувство некоторой неполноценности. Тем не менее, директор изложил дело со всей серьезностью.

В те дни школу проверяла комиссия. Она увидела на окне мое объявление и обомлела. Оказывается, рассказал директор, немцы, уходя из Киева, оставили в городе подпольную организацию, имевшую целью терроризировать отличников. Гофштейн был отличником.

- Ваш сын, - сказал директор, - судя по всему, является членом этой организации.

Родители, понимая идиотизм такого предположения, не предприняли ко мне репрессивных мер, но школьная власть поставила вопрос о моем исключении из пионеров и из школы.

Не знаю, как улаживали эту проблему взрослые, но исключать меня все же не стали, только поставили в четверти тройку по поведению и обсудили на собрании.

Прошло шесть лет. Я учился уже в 48-й школе, поскольку из предыдущей меня не то чтобы выгнали, но попросили маму найти для меня иное учебное заведение. «Поскольку ваш сын вдохновитель и организатор всех безобразий».

Это была неправда. Хотя одно безобразие мы с Юркой Потопольским все же учинили. В Киеве открывался футбольный сезон матчем между «Динамо» и «Даугавой». Мы предложили директору Федору Ивановичу гениальный план: в день матча уроки отменить и провести их в воскресенье. Директор выгнал нас вон, и тогда мы с Юркой расставили по периметру школы посты и всех, кто шел на уроки, заворачивали: мол, в полном составе идем на футбол. В классе остались двое - Витька Водотиевский, его маму вызвали в школу, и Эрик Гросман, отличник. Остальные, сложив портфели в сарае у Муси Рапопорта, жившего неподалеку от стадиона, пошли на футбол. Матч был неинтересным, но дома нас ждали очень интересные беседы с родителями. Они уже все знали.

К счастью, мы тогда дружили с девочками из 48-й школы, к тому времени уже не женской, а смешанной, они сказали своим учителям, что я умен и талантлив и они за меня ручаются, и я оказался в новой школе.

1 марта 1953 года мы писали контрольную по математике, которую мне не было у кого списать. Вокруг сидели такие же математики, как я. Вдруг раскрылась дверь класса, и вошли две не заплаканные, а зареванные женщины - директор школы и учительница украинского языка, она же парторг. Мы обомлели. Никогда и никто не видел их плачущими. Дрожащими голосами, подавляя рыдания, они сказали, что наш вождь и учитель, наш дорогой и любимый товарищ Сталин болен. Он очень болен.

У меня отлегло от сердца: сейчас нас распустят по домам и контрольную писать не будем. Как бы не так! Учитель, тоже до глубины души потрясенный свалившимся на нас горем, сказал: «В эти дни, ребята, мы, вместе со всем советским народом, должны еще больше напрячь все свои силы и с еще большим усердием выполнять свои обязанности».

Признаться, на товарища Сталина я возлагал больше надежд. Потом вождь умер, секретарь нашей комсомольской организации Алла Качановская бежала в Москву на его похороны, оставив маме записку, чтобы та не волновалась, «я надела две пары штанов», но была снята с поезда милицией.

Став взрослой, она все-таки уехала. Не в Москву, правда, а в Америку.

## ПЕСНЮ ДРУЖБЫ ЗАПЕВАЕТ МОЛОДЕЖЬ

Полвека назад, летом 1957 года в Москве проходил шестой Всемирный фестиваль демократической молодежи и студентов. Представьте, и я там был. Правда, не делегатом, делегатами становились специально отобранные ребята, но когда Хрущев решил собрать в Москве 34 тысячи иностранцев из 131-й страны (ни до, ни после фестивали не собирали столько народу), я страшно возжелал хотя бы увидеть настоящих иностранцев, хотя бы посмотреть, какие они. Тем более что немного говорил по-французски, а в школе как-никак учил английский. До этого иностранцев я видел только в качестве немецких военнопленных.

Отправить сына в Москву - это была роскошь, которую мои родители могли себе позволить с трудом. Они на это решились, и я поехал. В Москве у нас были родственники, но после войны связь с ними утратилась. Для тети Вали и моего двоюродного брата мама передала мне старенькую фотографию дяди Гриши, в семье его называли Годик. Такой фотографии у тети Вали не было. Дядя Гриша был красным командиром, учился в Москве, там и женился. Семья очень обрадовалась, когда Годик не получил назначение на Дальний Восток, хотя, говорят, страстно того желал. Если и будет война, считали тогда все, то, конечно же, на дальнем Востоке с Японией - Халхин-Гол, Монголия, «Над Амуром

тучи ходят хмуро» - все это было еще на слуху. А с Германией заключили прочный мир, за разговоры о том, что гитлеровская Германия - это коричневая чума, сажали в тюрьму, и спустя годы я прочитал у знаменитого тогда писателя Эренбурга, что в сталинских лагерях даже во время войны сидели люди, осужденные «за антигерманские настроения».

Тем не менее, война началась именно с Германией, и дядя Гриша погиб под Москвой, так и не увидев своего сына, моего двоюродного брата Игоря. Получил бы назначение на Дальний Восток, может, остался бы жив.

В московском киоске Горсправки мне без труда дали адрес тети Вали. В Киеве такие киоски тоже стояли на каждом шагу. Люди жили там, где были прописаны, и их адреса мог получить даже вор. Мне открыл дверь веселый парнишка, всеми повадками, разговором необыкновенно похожий на героя Никиты Михалкова в фильме «Доживем до понедельника». Брат мне сразу же очень понравился. Сегодня это седой отец семейства, кандидат наук, автор стихов и песен.

По дороге в Москву я познакомился с компанией таких же киевских ребят, как и я. Все мы были пламенные комсомольцы, преисполненные гордости за свою социалистическую родину, собравшую в советской столице Всемирный фестиваль демократической молодежи. Каков же был ужас моих новых друзей, когда на подъезде к Киевскому вокзалу они увидели меня в костюме и галстуке. Добро бы еще в костюме. Так ведь галстук надел, предатель, изменник родины, буржуазный космополит. Мы разругались.

С делегатами фестиваля общаться не пришлось. Делегаты участвовали в различных и многочисленных мероприятиях, времени на общение с кем попало у них не было, а подойти и заговорить с иностранцем сознательный советский юноша позволить себе не мог. Отдельные элементы, впрочем, позволяли. Какая-то девушка бросилась к иностранному делегату и насильно всунула ему в руки свой велосипед. Она, видимо, считала, что за границей велосипед - предмет роскоши. Иностранец не знал, куда девать этот подарок, но щедрая девушка убежала. Впрочем, когда у гостей стали заканчиваться деньги, они начали продавать свои вещи. Может, и велосипед был продан. Но тут вмешалась милиция. Продавцам вежливо объясняли, что у нас на улицах не торгуют, а с покупателями разговор был покруче.

Вернувшись в Киев, я много рассказывал о виденном. Девушки спрашивали, как были одеты иностранцы. Странно были одеты. На одном американце я видел рубашку в такую большую клетку, что на всю грудь приходилось полклетки. Девушки ахнули. А брюки у иностранцев узкие, трубочки. Юноши ахнули.

С 1947 года фестивали молодежи (демократической) и студентов (тоже надо думать, демократических) проходили под лозунгом «За мир и дружбу». Потом лозунг дополнили: «За солидарность, мир и дружбу». Что это изменило в движении демократической молодежи и студентов, не знаю. Но, видимо, и такой лозунг не вполне отражал цели и задачи, стоявшие перед нею. Что значит, «за солидарность»? За какую именно солидарность? Солидарность разная бывает. И лозунг еще более уточнили: «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу». Может, его еще долго бы уточняли и дополняли, но Всемирная федерация демократической молодежи и студентов куда-то подевалась, фестивали проводить стало накладно, и даже гимн демократической молодежи (муз. А.Новикова, сл. Л.Ошанина) петь перестали. Только изредка вспоминается: «Песню дружбы запевае молодежь, молодежь, молодежь...»

Хорошо быть молодым, тем более, демократическим.

ПОКОЛЕНИЕ, КОТОРОЕ СТИРАЛО КУЛЬКИ

Как-то моя дочь, мать моих внуков сказала: «Папа, не забывай, мы - поколение, которое стирало пластиковые кульки». В Европе эти пакеты считались одноразовыми. У нас их не выбрасывали, а стирали. Мы потели в «болоньевых» плащах, это был крик моды, но они не пропускали ни воду, ни воздух. Минувший век перевалил за вторую половину, мы страшно гордились своими космическими ракетами, но наши девушки носили прозрачные блузки из модной синтетики, не зная, что во всем мире так одеваются проститутки. Мое поколение помнит времена, когда высокосоциальные граждане рассматривали газеты с портретами Сталина на просвет. И если на лик вождя накладывалось какое-нибудь чуждое изображение, так, что получался крест или, не дай Бог, свастика, немедленно «сигнализировали» в «органы». Об этом, кстати, писал уже в эпоху хрущевской оттепели зять Никиты Сергеевича, главный редактор «Комсомольской правды» и «Известий» Алексей Аджубей.

Вступая в пионеры, мы с гордостью надевали красный галстук. Но, выходя из школы, совали его в портфель. Став взрослыми, мы в глубине души были преданы идеям марксизма-ленинизма, хотя головой понимали, что в этой премудрости что-то не то и что-то не так. В институтах мы изучали историю КПСС, основы марксизма-ленинизма, диалектический материализм, конспектировали труды классиков марксизма. Но чем глубже изучали эти предметы - за счет главных дисциплин, ради которых, собственно, и пришли в вуз, - тем больше в наши головы лезли крамольные мысли. Выходило, например, что, цитируя Ленина, можно оправдать что угодно - от сталинского террора до брежневского застоя. А кто забирался поглубже, открывал, что Бухарин, которого знали только по проклятиям в его адрес, оказывается, был не так уж глуп, когда призывал крестьян: «Обогащайтесь!»

Еще был жив Сталин, когда мой сосед Сережка рассказал, как надо расшифровывать СССР: Сталин (далее шел непечатный глагол)...сырою рыбой. И прочитав по складам лозунг «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Сережка повторил слова своего деда: «Спасибі батьку Сталіну! От тепер ми, діточки, маргарину наїмося». А от матери я услышал анекдот:

«Товарищ Сталин, почему вы всегда в сапогах?» - «Потому что мой путь слишком грязен».

Однажды году в 46-м к отцу приехал в гости его генерал Ковалев со своим родным братом - старшиной. Прощаясь, генерал погладил меня по голове и сказал совсем не генеральские слова: «Учись, Володя, хорошенько. Сам знаешь, в нашей стране честным людям пробиваться трудно». Видно брат Ковалева был слишком уж честным - не дослужился и до маленьких звездочек на погонах.

Даже в эпоху всеобщего доноительства и пресмыкательства перед вождем и учителем люди знали цену своим вождям и учителям. А уж в эпоху Хрущева и Брежнева, когда о них ходили анекдоты, один другого хлеще, каждый из нас мог отнести к себе слова Пушкина: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног - но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство».

Мы верно служили партии, хотя не очень понимали, что такое партия. То ли это пятнадцать миллионов членов КПСС, послушных своему ЦК, то ли ЦК, помыкающий пятнадцатью миллионами членов КПСС и двумястами миллионами беспартийных. Но мы хотели гордиться перед иностранцами. Сердцем мы были коммунистами, ленинцами, понимавшими, однако, что Ленин наломал немало дров, а коммунизм - недостижимая фантазия. Однако стоило нам встретиться с иностранцами, которые «разделяли с нами это чувство», как мы становились агитаторами и пропагандистами. Иностранцы все понимали и делали вид, что нам верят. Да и мы верили тому, что говорили. Что в СССР нет государственного антисемитизма. Что наша демократия по существу демократичнее других.

Что мы бедны не потому, что у нас нелепая экономика, а потому, что была война. Одна француженка деликатно сказала мне, что в ее стране война тоже стерла с лица земли несколько городов. Я еще более деликатно ответил, что нам, увы, повезло меньше: у нас разрушений больше. Сказал и задумался: почему же мы позволили Гитлеру дойти до Волги и почему Франция ушла от нас так далеко вперед?

Спустя четверть века после войны я съездил в группе туристов в социалистическую ГДР. В магазине дама из нашей группы украла лифчик. Ее поймали, руководитель группы, фронтовик, надел все свои боевые награды и пошел выручать соотечественницу. Ее отпустили. Вечером мы с ним гуляли по Берлину и сокрушались: как же так получилось, что побежденная, дотла разрушенная Германия живет лучше и богаче нас, победителей? Вернувшись домой, коллега рассказал в своей газете, как успешно немцы перенимают наш опыт строительства социализма. Я к тому времени проработал на телевидении 12 лет, но выступить с таким рассказом не смог. Меня в эфир не выпускали.

### КАК Я ФАЛЬСИФИЦИРОВАЛ ВЫБОРЫ

В 60-х годах мне дважды приходилось принимать участие в фальсификации всенародных выборов. Один раз народ всенародно избирал народных судей, второй раз – депутатов Верховного Совета, то ли СССР, то ли УССР. Оба раза народ в лице директора и парторга конторы, где я служил, поручил мне быть секретарем избирательной комиссии.

Я тогда работал переводчиком в странной организации - доме ассортимента Госплана УССР. Как-нибудь расскажу о нем подробнее. Моя должность существовала для того, чтобы в отделе было семь человек. Иначе отдел не мог считаться отделом, и его начальника пришлось бы уволить, что было абсолютно недопустимо - контора существовала для того, чтобы куда-то пристроить чьих-то жен, родственников и друзей. В стране победившего социализма безработицы не было. Были дармоеды, но они не считались.

Итак, меня, как лицо, занятое чепухой, можно было командировать в избирательную комиссию, куда я и направился с удовольствием. Все таки какое ни какое, а дело. Выборы в социалистическом государстве готовились не так, как сейчас. Сейчас пар идет в предвыборный гудок - в агитацию. Тогда агитация шла для видимости. Кандидатов назначенных свыше, нельзя было не избрать, в бюллетенях значилось одно-единственное имя. Но списки избирателей готовились очень тщательно. Сначала по квартирам прошли так называемые агитаторы, такие же дармоеды, как и я. Они составляли списки жильцов, и машинистка, специально мне выделенная, печатала эти списки. Эта машинистка оказалась интеллигентнейшей старушкой, явно из каких-то выпускниц Института благородных девиц. В списках избирателей изредка попадались странные и забытые фамилии - то Шереметьевы, то Гинтовт-Дзеволтовские. «Ну что вы хотите, - вздыхала старушка, хотя я ничего не хотел. - Уничтожены целые классы». Она тоже была обломком великого кораблекрушения.

Когда списки были готовы, агитаторы снова пошли по квартирам, напоминая избирателям, что надо сходить и проверить, правильно ли они значатся в списках. Ошибки тут же исправлялись. Выборы предоставляли одну из немногих возможностей протеста. «Я не буду голосовать, пока мне не починят крышу! - кричали отдельные несознательные избиратели. – Сколько можно! В доме грибок!»

Не пойти на выборы было боязно, но голосовать «против» - страшно. Если ты согласен с политикой партии, ты опускаешь бюллетень в урну и идешь домой с чувством выполненного долга. Но если ты прячешься в кабину, значит что-то тут нечисто. Кандидат-то один. Значит, ты его вычеркиваешь. Ты открываешь свое вражеское нутро.

В день выборов агитаторы снова ходили по квартирам и просили поскорее проголосовать, «иначе я не смогу пойти домой!» В избирательном участке на больших таблицах с номерами избирателей вычеркивались проголосовавшие, и избирательная комиссия стремилась, чтобы вычеркнутых было побольше. Голосовать вместо родных и близких, соседей и знакомых не возбуждалось.

Все время звонили откуда-то сверху: какова явка? Мы ввали, что большая. Но наступал вечер, следовало отчитаться за поголовное голосование, а тех, кто не пришел, оставалось еще много. И тут я стал свидетелем, а, стало быть, и участником фальсификации. Председатель комиссии бросил в урну пачку бюллетеней, а девочки, сидевшие над списками избирателей, проставили против фамилий не явившихся отметки «да» - проголосовал. Приближался час закрытия участка, как вдруг явился какой-то подвыпивший избиратель и пожелал проголосовать. Ему, конечно, дали один из немногих оставленных на всякий случай бюллетеней, но избиратель заглянул в списки, увидел, что он уже проголосовал и возмутился. Его успокоили: мол, вышла ошибочка, виновные будут примерно наказаны, иди спать. А наверх пошел рапорт о том, что выборы прошли успешно, проголосовали 99,5 процента избирателей. Нам сделали замечание, что это маловато, следовало лучше работать с людьми, мы пообещали учесть на будущее.

В будущем, то есть, на следующих выборах, всё, разумеется, повторилось. Кто грозился не голосовать, увидел себя в той доле процента, не принявших участие в выборах. А Центризбирком торжественно подтвердил, что граждане, единодушно проголосовав за нерушимый блок коммунистов и беспартийных, поддержали политику ленинского Центрального Комитета, выраженную, в частности, в исторических решениях последнего Пленума ЦК.

Я вник в информацию о результатах всесоюзных выборов и увидел, что единодушие было не до конца полным. Если не ошибаюсь, 37 тысяч советских граждан проголосовали «против». В масштабах страны это, действительно составляло долю процента, но все же, несмотря на фальсификации, несмотря на единственного кандидата в бюллетене, 37 тысяч протестующих - это же армия!

## КАК МЫ РАСШИРЯЛИ АССОРТИМЕНТ

Я пообещал читателям «Газеты...» рассказать о странной организации, в которой прослужил лет пять. Организация называлась Дом ассортимента Госплана УССР. Наверно, об этой конторе не стоило бы и вспоминать, но уж очень она характерна для того времени. Подобные учреждения создавались под конкретных людей. Кого-то надо было трудоустроить, но не лишь бы куда, а на директорскую должность. Наверху подумали: что бы такое организовать? Думали, думали и, наконец, придумали. Слово «дом» в данном случае было преувеличением. Он занимал несколько комнат на первом этаже здания на углу улицы Димитрова и Большой Васильковской, тогда Красноармейской. Персонал конторы работал над расширением и улучшением ассортимента легкой промышленности, но каким образом можно было этот ассортимент расширить и улучшить, не знал никто. Иначе, наверно, улучшил бы и расширил. После длительной подготовки, командировок, которые стоили дорого, и обмена письмами, который ничего не стоил, проводились так называемые художественные советы - то по фарфоро-фаянсовым изделиям, то по трикотажу, то еще какие-то. Поскольку я был принят на работу в качестве переводчика, то меня считали культурным и советовались со мною, как получше составить тот или иной документ.

- Скажите, Володя, - обратился ко мне пожилой специалист. - Я тут подготовил телеграмму, как по-вашему, хорош текст?

Текст был таким: «Просим представить на худсовет парфюмерную тару с содержимым».

Эти слова глубоко оскорбили мое эстетическое чувство. Что за «тара с содержимым», когда речь идет о шекспировских «ароматах Аравии»? Может, вместо тары сказать флаконы? И вместо какого-то содержимого написать по-человечески - духи? Оказалось, однако, что тара это не только флакон, но и бутылка, и баночка. А содержимое - так уж тем более разное: духи, одеколоны, лосьоны, кремы. Так я понял, что канцелярский язык, так называемый канцелярит, столь же велик и могуч, как и русский. Только у Пушкина и Чехова получалось складно, а у канцелярской братии - хоть и нескладно, зато прочно и тоже на века. Кстати: в те поры канцелярия украинского не знала совершенно.

На художественные советы приглашались большие специалисты. Однажды, глядя на фарфоровую статуэтку зайчика, они сказали, что художник изобразил его неправильно. В жизни зайцы не такие, нарушен принцип социалистического реализма. Пригласили зоотехника, он осмотрел представленный на худсовет образец и объяснил художникам, как надо изображать зайцев. Попадись на такой худсовет картина Перова «Охотники на привале», пригласили бы для вынесения решения сотрудника общества охотников и рыболовов. Интересно, кого бы они пригласили на утверждение знаменитой картины Гойя «Казнь защитников Мадрида»?

Как-то на рассмотрение худсовета вынесли стекольные изделия - графины, рюмки, блюда. Среди ваз одна обратила на себя внимание - хрустальная, с яркими желтыми наплывами.

Взглянув на них, некая старая художница как бы мимоходом небрежно бросила: «Нарывы». И красивую вазу немедленно забраковали.

Привезли как-то на худсовет меховые изделия, в том числе и элегантно пошитые овечьи тулупы. Через несколько лет точно такие же, но качеством похуже, стали привозить из-за границы. Назывались они дубленками. Те, что привезли на показ и пошили вручную и тоже на показ, были и теплее, и красивее. Помню, я все спрашивал у заводских, почему такие тулупы не идут в массовый пошив, с руками бы оторвали. В ответ несли ахинею насчет того, что нет средств на новые линии пошива, еще чего-то нет. У нас умели шить джинсы, но партия считала их идеологически враждебными. Могли шить красивую обувь, но заводы поставляли некачественную кожу...

Нашей легкой промышленности до уровня парижских домов высокой моды было, как до неба, хотя модельеры у нас были талантливые. Помню, главный художник киевского дома моделей рассказывала, как их пригласили на какую-то международную выставку, а тканей не было. Была одна, но белого цвета. Художники придумали: создадим коллекцию свадебных платьев. И имели оглушительный успех.

Зато работа у сотрудников Дома ассортимента была не пыльная, и если мы на что и жаловались, то, пожалуй, на маленькую зарплату. Половина рабочего времени шла на треп и рассматривание заграничных модных журналов, которые я неизвестно для кого и непонятно зачем переводил.

В Дом ассортимента часто наведывался отставной майор госбезопасности Евгений Иванович. Он давно был на пенсии, но как коммуниста его «прикрепили» к парторганизации Дома. Старик оказался замечательным рассказчиком. Вот уж от кого я слышался историй о Колыме и Магадане, о поездах с осужденными, которых Евгений Иванович сопровождал из европейской части СССР в дальневосточную. Но это тема для отдельного рассказа.

У ХОЗЯИНА ЛУЧШЕ!

К партийной организации конторы, где я работал до 70-го года, был «прикреплен» пенсионер Евгений Иванович, старый чекист, майор, много лет прослуживший в системе Гулага. Старичок регулярно ходил к нам платить партийные взносы, сидеть на партийных собраниях и просто потрепаться с людьми. Карьера Евгения Ивановича проходила на островах архипелага Гулаг. Чекист рассказывал, как сопровождал туда эшелоны с заключенными. Труднее всего было возить женщин. Женщины сидели в отдельных лагерях, поэтому эшелоны зеков составлялись по половому признаку. Один женский эшелон, уверял майор, стоил нескольких мужских. А в лагерях горе было тому мужчине, который попадался в руки зечек. Его насильовали. «Разве такое возможно?» - наивно спросил я. «Они такие приемчики знали, что все было возможно», - ответил Евгений Иванович, не входя в подробности. Он щадил мою интеллигентность.

Старик рассказывал о жизни Гулага охотно, но строго дозировано. О таких вещах, как, например, расстрелы, он умалчивал. Это тему «органы» оставили Солженицыну. Но и без того картина получалась яркая. Взять, к примеру, такой пикантный момент, как отправление охраной естественных надобностей летом, когда тундра гудит тучами гнуса. Чтобы не допустить кровососов к своим филейным частям, охранник ставил рядом с собой нескольких зеков, и они, размахивая ветками, отгоняли гнуса от уважаемого зада гражданина начальника.

Среди заключенных были интереснейшие люди. Например, главный диетолог Советской армии, генерал. На воле он проверял блюда, подаваемые на стол товарища Сталина – вождь боялся отравы. Какие-то блюда генерал браковал по причине недосола, пересола или несовершенства. Отвергнутые яства с жадностью пожирала охрана и обслуга. Однажды, рассказывал Евгений Иванович, главный диетолог вместе с вождем присутствовал, если не ошибаюсь, в театре имени Вахтангова на премьере спектакля по пьесе Вишневого «Незабываемый 1919-й». Сталину понравилось, как его изобразили на сцене, но одно замечание он все же сделал.

- Вы допустили ошибку, - сказал вождь и учитель помертвевшему от ужаса режиссеру. Снова-таки, если Евгений Иванович не напутал, это был народный артист СССР Рубен Симонов.

Иосиф Виссарионович насладился бледным видом великого режиссера и пояснил: - Я в 19-м году носил не шинель, а кожанку.

Изменить облик актера, исполнявшего роль вождя и учителя, значило исказить этот священный облик. Одно дело долгополая величественная шинель и совершенно другое дело, когда великий Сталин выступает в какой-то кургузой курточке. На банкете в честь премьеры режиссер бросился к генералу-диетологу и стал умолять его как-то объяснить товарищу Сталину, что законы сцены порою требуют отхода от буквализма во имя создания глубокого образа. К несчастью, генерал уже успел напиться и сдуру ляпнул: - Да брось ты! Сталин ничего не понимает в драматургии. Естественно, генерал немедленно стал зеком.

Был среди заключенных, охраняемых Евгением Ивановичем, необычайно талантливым хирург, усовершенствовавший свое мастерство в лазаретах Гулага, где можно было резать как угодно и кого угодно, обогащая таким образом свой медицинский опыт. С этим человеком произошла странная история - отбыв свой срок, он был отпущен на свободу. Как правило, в сталинские времена, когда у зека заканчивался срок заключения, ему тут же добавляли еще один. А этого почему-то отпустили.

Доктор приехал домой в Москву, пришел на свою улицу в свою квартиру и увидел там двух немолодых женщин, которые оказались его дочерьми.

- Где ваш папа? - тоном следователя спросил хирург. В лагерях он стал стопроцентным зеком и перенял все манеры урока. Дочери ответили, что папа в командировке.

- Не, барышни, - ответил отец. - Ваш папаша был осужден. А теперь он вернулся. Это я ваш папа.

Одна дочка упала в обморок, вторая тут же была послана за водкой, хотя в лагерях папа, имевший доступ к медицинскому спирту, предпочитал спирт. Но вся эта гражданская жизнь, когда в магазинах спирта не было, произвела на гражданина доктора резко отрицательное впечатление. К тому же надо принять во внимание, что в Москве вчерашний преступник не мог надеяться, что его примут на работу с распростертыми объятиями. И разве в столичной больнице он будет пользоваться таким уважением со стороны охраны и контингента, как в лагере? Поэтому вскоре произошло то, что в лагерной практике случалось не так уж редко. Отсидев полжизни за колючей проволокой, «у хозяина», как говорилось в Гулаге, многие осужденные уже не могли приспособиться к жизни на воле. Они просились обратно. Знаменитый на всю Колыму хирург вернулся в свой лагерь и потребовал посадить его снова. «У хозяина лучше», - пояснил он. Доктор забыл, что такое свобода.

### ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ТЕАТР?...

В очень далекие времена Киев был театральным городом. После всех потрясений у нас оставалось всего четыре театра. Мы их называли не официальными именами, а по своему: оперный, русская драма, театр Франко и оперетта. Был в Киеве театр юного зрителя (ТЮЗ) и кукольный театр, но к ним власти относились снисходительно-покровительственно, и получить почетное звание академических для детских театров было проблематично.

Русскоязычная публика высокомерно посмеивалась над переводом с французского «пити каву в білих рукавичках» и не могла представить, что франковцы поставят Шекспира. Они ставили преимущественно Корнейчука и старые пьесы с их сельским юмором. Но было еще и «Украдене щастя». Этот спектакль с великим Амвросием Бучмой стал первым моим театральным потрясением. Было лето, невыносимая жара, а тогда в театр ходили только в костюмах, и снять в зале пиджак было неприлично. Но вот на сцену вышел насквозь промерзший Микола Задорожный. Подсел к бутафорскому огню и стал греть ооченевшие руки. Мне стало холодно.

Бучма был артистом мирового масштаба, и будь Украина государством, а не советской провинцией, его знали бы всюду. Но за границу мы не ездили, и стыдно вспоминать, как говорили о студии, на которой работал сам Довженко: кино бывает хорошим, плохим, очень плохим и снятым на киностудии Довженко.

Тем не менее, театр Франко, зажатый в тиски идеологии, ставил потрясающие спектакли по очень слабым советским пьесам. Таким шедевром был спектакль «В степах України». Мне, ребенку, показалось странным: с чего это суровый Часнык так впился в смешного Галушку? Что он от него хочет? Вроде прав Галушка, когда говорит, что ему и в социализме хорошо, социализм ему еще не надоел. Ведь для чего устроили революцию? Чтобы людям хорошо жилось. Галушке хорошо, колхозникам тоже. Но автор и его герои звали Галушку и нас, грешных, куда-то еще дальше, в какие-то выси. И вся эта пропаганда, все эти кукольные персонажи колхозников, для которых высшее счастье - приезд маршала Буденного, все это меркло в сиянии потрясающего мастерства Юрия

Шумского с его неповторимым голосом. Этот артист то смешил до колик в комических ролях, то потрясал в ролях героических. Шумский был велик в любой роли. А что уж

говорить о гениальном Яковченко? В его исполнении совершенно дурацкий персонаж Довгоносика сразу же стал театральной классикой.

Моя мать старалась не пропускать премьеры, и я рад, что в русской драме был на премьерке «Хождения по мукам», на премьерке великолепного спектакля «Мораль пани Дульской» с изумительным Халатовым в бессловесной роли бессловесного мужа. За весь спектакль он один раз произносил одну фразу: «А ну вас всех к черту!» И зал помирал со смеху. Я видел Михаила Романова в «Живом труп». Такого Протасова в русских театрах не было. Я встречал на улице актеров, к которым сегодня бросались бы толпы. Лазарев с великолепным псом. Такого дога в Киеве не имел никто. Ходил по улицам, а не ездил в иномарке Юрий Лавров, и бегал по Пушкинской его сын, ставший со временем знаменитым Кириллом Лавровым.

Советскому театру было велено исповедовать реализм. Чтобы всё, как в жизни. Чтобы не сцена, а комната без четвертой стены. Тем более изумил меня, провинциала, спектакль миланского театра «Пикколо», который я увидел в Москве. В Малом собрался весь столичный бомонд. С трепетом я взирал на великих стариков, работавших с Немировичем и Станиславским.

Мимо меня проплыл монументальный Охлопков. Когда его назначили заместителем министра культуры, кто-то спросил: «Коля, как ты справляешься с этой ролью?» Николай Павлович ответил: «Чудак! Я королей играл!»

Итальянцы блистательно сыграли «Слугу двух господ» - не так, как играли Гольдони у нас. На сцене стояла еще одна сцена, актеры, отыграв свое, садились рядом и болели за тех, кто играл. Декорациями служили занавески с нарисованными улицами или комнатами. Все было условно и все по-настоящему.

Я вспомнил это, когда пошел в наш оперный на «Травиату» с Евгенией Мирошниченко. Тогда она еще не была даже заслуженной артисткой. В опере, сознаюсь, меня, мальчишку, раздражала несовместимость этого в высшей степени условного искусства с подчеркнутым реализмом декораций и костюмов. И еще актерство актеров. Они не ходят, а выступают. Но Евгения Семеновна, тогда просто Женя, не играла, а страдала. Исчезали все условности, оставалась милая, несчастная, умирающая женщина. Я полюбил оперу. Через несколько лет мы увиделись с Евгенией Семеновной на родительском собрании, наши дети учились в одном классе. Я выразил ей свое восхищение, она тут же повела меня на «Тоску». Билетерши на входе расцвели: «Здравствуйте, Женечка!». Великая актриса забыла обо мне, убежала за кулисы и я, с трудом дотерпев до антракта, ушел. Второй Мирошниченко на сцене не было. Впрочем, может, я не так смотрел.

## СТРАНА НЕПУГАННЫХ ВОРОВ

Как-то раз то ли в конце шестидесятых, то ли в начале семидесятых годов минувшего столетия я стал невольным свидетелем такого разговора: «Ну что, едем в пятницу на охоту?» - «Да, конечно. У меня с машиной, правда, проблемы, но к пятнице мне поставят новую резину». Далее разговор пошел на особом охотничьем языке, из которого я понял, что «валить» будут кабана. Затем собеседники заговорили о ружьях, драгоценность которых была совершенно ясна даже для меня, профана. Но, конечно, ясна не в тонких подробностях, а в целом. Мне было понятно, что ружья у этих охотников были весьма высокой категории. Я внимал аристократическому разговору, стоя с кошелкой пустых бутылок под ободренным сараем с надписью «Прием стеклотары». Джентльмены, беседовавшие на недоступные мне охотничьи темы, стояли за окошком стеклопункта. Это были приемщики пустых бутылок.

Однажды некий бомж, кормившийся возле приемного пункта, любезно дал мне интервью, в котором рассказал, как работают подпольные предприятия по производству фальшивой водки. Водка наполовину состояла из спирта, купленного через забор у воров, занимавших на спиртоводочных заводах некие должности, дававшие доступ к сырью. Потом спирт разбавлялся водой из-под крана и разливался в бутылки, которые скупались на пунктах приема стеклотары оптом, партиями, грузовиками. Заработки парней из стеклопунктов были выше наших, интеллигентских, тем не менее, эти ребята все равно обсчитывали тех, кто носил им пустые бутылки. Бутылки стоили по-разному, и подсчитать в уме, сколько будет четыре бутылки из-под вина плюс восемь бутылок из-под подсолнечного масла, плюс четыре баночки из-под майонеза и две бутылки из-под шампанского, - это нам, простым людям было не под силу. Но мы, простые люди, аккуратно сдавали свою посуду, потому что как ни крути, а кошелка бутылок из-под пива равнялась килограмму мяса. На каждой порции посуды приемщики срывали то двадцать копеек, то полтинник, а то и больше. С нашей точки зрения, это было немало. Но это были гроши по сравнению с теми суммами, которые приемщики получали за продажу «левого товара». Однако профессия требовала обманывать, и они обманывали.

Как-то мы с соседкой выгуливали наших собак и вели умный разговор не то литературе, не то о кино. Вдруг соседка нагнулась, подняла с земли пустую бутылку и положила в свою сумку. Я ужаснулся: «Что вы делаете?» Дама ответила серьезно и без тени смущения: «Я на эту бутылку куплю своей собаке сто грамм мяса!» Мясо стоило рубль девяносто за килограмм. Но этот килограмм был черного цвета и в нем обязательно были кости. В каких-то правилах, скромно висевших в гастрономе на Крещатике, значилось, что на каждый килограмм следовало отпускать определенное количество костей. Но каким образом можно было определить, сколько их в отпущенной покупателю порции, правила не указывали.

Мясники были высоко уважаемыми людьми. У них можно было купить мясо высшего сорта. Но из-под прилавка и за пятерку. С одним таким мы познакомились на почве любви к собакам. Мой пудель, подобранный на улице, ни в какое сравнение не шел с его клубным аристократом, таким же, как и хозяин. Я своего пуделя стриг сам. Мясник до такого не опускался. Он платил собачьему парикмахеру 15 долларов за сеанс. Замечу, что к тому времени я публиковался в изданиях АПН чуть ли не на всех языках мира.

Помню, случилось мне побывать в Германии, не в той, капиталистической, куда нашему брату ход был заказан, а в социалистической ГДР. Меня изумили продуктовые магазины, где мясо продавалось отдельно, а кости - отдельно. Неужели нельзя, сетовали туристы из нашей группы, и в СССР продавать мясо без костей и кости без мяса? На этот счет я получил разъяснение в статье одного научно-популярного журнала, где рассказывалось, как разработчики оборудования для предприятий общественного питания придумали машину для приготовления супа. Но на испытаниях машина выдала не суп, а кашу. Машину переделали, она снова выдала кашу. Так продолжалось до тех пор, пока не обратились к поварам. Те рассмеялись: «Вы закладываете в машину продукты в соответствии с утвержденными нормами. Но эти нормы рассчитаны на то, что повар обязательно украдет».

И еще одна история, которую мне рассказал грузинский коллега. В его городе была большая автобаза такси. Всякий раз, возвращаясь после рабочего дня, каждый водитель давал рубль привратнику, открывавшему ворота на базу. На базе работало 500 машин. Должность привратника передавалась от отца к сыну.

Мы жили в стране непуганых воров, но могло ли быть иначе, если даже о Сталине говорили, что он крал. После его смерти пронесся слух, что на имя дочки вождя Свет-

ланы в швейцарском банке лежала очень приличная сумма. Впрочем, Светлана Иосифовна этот слух опровергала.

### ИЗ ЗАДНИХ УСТ, или СПАСИБИ ЗА БАТЬКІВСЬКУ ТУРБОТУ!

В апреле 1970 года я связал себя с телевидением и, похоже, навсегда, хотя считал и считаю себя все-таки газетчиком. Вряд ли меня бы приняли на должность заместителя главного редактора (правда всего лишь детской редакции), если бы партийные руководители понимали, что телевидение не аттракцион, не развлечение, а самый массовый орган информации и, следовательно, как говорил Ленин, не только коллективный агитатор и пропагандист, но и коллективный организатор. Но только в 70-х годах Москве на партийных мероприятиях документы, предназначенные органам печати для ознакомления, стали оставлять и для телепрограммы «Время». Додумались.

Украинским радио и телевидением руководил тогда Николай Артемович Скачко - седовласый, с румянцем во всю щеку и с так называемым львиным взглядом - он был устремлен в точку, находящуюся в сантиметре над вашей головой. Николай Артемович, как правило, ходил на работу пешком. Тем более что порою родина выделяла на его служебный автомобиль 30 литров бензина. Как раз съездить в ЦК и обратно.

Рассказывают, что однажды на Крещатике к главе телерадиокомитета подошел молодой журналист и с нахальством, простительным для юнца, завел с шефом разговор. Мол, как так получилось, что Николай Артемович столь долго и бессменно руководит вверенным ему учреждением, тогда как в других республиках глав телерадиокомитетов смещают куда чаще. Николай Артемович ответил не сразу. Он спросил, что делает молодой человек, если какой-то материал вызывает сомнения - давать его в эфир или лучше снять? Юноша ответил, что в таком случае он непременно советуется со своим руководством. «А я всегда снимал», - якобы сказал Николай Артемович.

Мне часто приходилось сидеть на совещаниях у Скачко. Его кабинет был чрезвычайно скромен. До такой степени, что, говорят, сам Щербицкий сделал ему замечание: начальнику такого ранга надо бы иметь комнату для отдыха и мебель получше. Очень похоже на правду. Тогдашние руководители не отказывали себе в удобствах, и скромность времен гражданской войны могла быть расценена как противопоставление себя высшим инстанциям: мол, вы утопаете в роскоши, а я - вроде как Ленин. Как бы там ни было, но кабинет Николая Артемовича со временем стал вполне соответствовать рангу хозяина: лучше, чем у директора автобазы, но скромнее, чем у министра.

На совещаниях Николай Артемович время от времени выдавал так называемые «скачкизмы». Они потом ходили по всему Гостелерадио. «Чому я про все повинен дізнаватися із задніх вуст?» - спрашивал шеф. Никто не смеялся. «Ви що думаете, - продолжал Николай Артемович, - сказав, і кінець у воду?» Он всегда говорил на безупречном украинском языке, но порою переходил на русский. «Ну что ж, - сказал он, завершая очередное совещание, - пора перекусить червячка».

Я так и не знаю, шутил он или нет. Наверно, шутил. Как-то Николай Артемович собрал нас, чтобы выяснить, кто допустил брак по звуку в какой-то важной передаче. «Хто у нас взагалі відповідає за звук?» - спросил он с ноткой раздражения. Он редко сердился и, насколько я помню, никогда не повышал голос. Николаю Артемовичу ответили, что за звук у нас отвечает товарищ Мокляк. Какой пост занимал этот человек, Скачко не знал, это был не его уровень.

«Qu'est-ce que c'est Мокляк?» (Что такое Мокляк?), - спросил Николай Артемович по-французски. Знал он французский или нет и как владел тонкостями украинского и русского, не берусь судить, но человек он был очень умный и осторожный. В советские, да и в

нынешние времена осторожность - качество абсолютно необходимое руководителю любого ранга. Николаю Артемовичу приписывают замечательную фразу, которой он всякий раз отвечал на вопрос высшего руководства: «Что нужно для Гостелерадио?» Ответ председателя стал в Гостелерадио поговоркой: «Спасибі за батьківську турботу».

Велик тот руководитель, который умеет выбивать из высших инстанций средства, технику и льготы. Но мудр тот, кто не докучает верхам своими просьбами и жалобами. Такой просидит лет тридцать у себя в скромном кабинете - как Николай Скачко. Правда, мягкость Николая Артемовича в отношениях с ЦК привела к тому, что Гостелерадио УССР не возразил, когда ему предложили строить новый корпус на кладбище. Макет этого здания задолго до начала строительства стоял в кабинете Николая Артемовича. Он не торопил партию и правительство с началом стройки. Здание воздвигли уже после того, как Скачко ушел. Я видел, как копали котлован для фундамента и выбрасывали из земли человеческие кости.

Этот дом стоит на улице Мельникова, и в народе называется «карандаш». Вообще-то неудобное здание.

### ВЕРАШНЯЯ ХОХМА СМЕШНА И СЕГОДНЯ

Аркадий Райкин рассказывал, как на гастролях в Одессе он, отработав концерт, не ушел за кулисы, а спрыгнул со сцены в зал и пошел из театра вместе со зрителями. Шутка имела успех, и Аркадий Исаакович повторил ее на следующий день. Он шагал по улице, окруженный толпой остроумных одесситов, как вдруг из этой толпы вынырнул остроумный одесский мальчик и, вертясь перед великим артистом, сказал: «Товарищ Райкин! Вчерашняя хохма сегодня уже не хохма!»

Только одесситы могут так расточительно относиться к остроумам. Вот уже скоро сорок лет, как я храню у себя папку с остроумами своих сотрудников по телевидению и всякий раз, открывая ее, смеюсь. Может, потому, что все это было написано моими друзьями.

На большой еженедельной летучке, где обсуждались программы Украинского телевидения, сидела вся наша редакция, в том числе и Ира Талалаевская - женщина яркая и экспансивная. Вдруг кто-то, заглянув в зал, покивал ей пальцем: мол, иди сюда. Ира взвилась и исчезла. Тут же я получил записочку от Володи Маевского, впоследствии известного спортивного журналиста.

В горячечном летучки гуле  
Что с Талалаевской стряслось?  
Ушла. На неостывшем стуле  
Следов ее не осталось.

С Маевским мы работали в одной редакции и постоянно обменивались записками самого дурацкого содержания. Однажды Володе кто-то позвонил, но не застал. Я оставил ему записку: «Звонок из ниоткуда. Как сообщает агентство «Юнайтед пресс», 24 июня гражданину СССР Маевскому, мастеру спорта и члену жюри, позвонила женщина, пожелавшая остаться неизвестной. В информированных кругах этот новый шаг спортивной общественности Советского Союза рассматривается как. Боб Пинчер».

Ответ Маевского был громоподобен. «Опровержение ТАСС. 24 июня с.г. агентство «Юнайтед пресс» распространило сообщение своего агента в Киеве, пресловутого Боба Пинчера, где грубо извращены факты о том, что известному общественному деятелю В.Маевскому звонила женщина, якобы пожелавшая остаться неизвестной. ТАСС уполномочен заявить, что это является вымыслом, рассчитанным на легковерных людей, не

знакомых с истинным положением вещей. Буржуазные акулы пера, типа печально известного Б.Пинчера, рады использовать любую возможность, чтобы вбить клин между т. Маевским и женщинами, которые ему якобы звонят. Эта позорная тактика, равно, как и грязная война американских империалистов во Вьетнаме, Камбодже и где они еще захотели, обречена на провал».

Стиль заявлений и опровержений ТАСС сохранен в точности.

Еще одно письмо. «Тов. Заманскому. Конфиденциально! Очень важно! 15 октября с.г. в связи с моим уходом на работу я устроил себе завтрак. С советской стороны на завтраке никого не было, равно как и со всех других сторон. Завтрак прошел в теплой, непринужденной обстановке, хоть батареи у нас еще не включили. Улицы города, по которым я следовал на работу, были украшены трудолюбивыми руками работников Управления по оформлению г. Киева в разные разности. Трудящиеся вышли на магистрали и площади, чтобы приветствовать троллейбус номер двадцать, в котором я обычно следую. А я пошел пешком. С уважением, В.Маевский, орнитолог».

Другие свои письма (например, о том, что если кому нужна обстановка, то она в Боливии, сообщают газеты) он подписывал как эсквайр, букмекер, гофмейстер и даже хлоралгидрат.

Однажды мне дали общественное поручение: провести в коллективе «работу по гражданской обороне». Первое занятие, оно же последнее, прокомментировал Витя Цыганов, игравший на всех инструментах и написавший колыбельную для передачи «На добраніч, діти!» Ныне Виктор Васильевич кандидат философии, преподаватель вуза, весьма заслуженное лицо.

Он писал:

Пускай трепещет враг заокеанский -

Уж близится его последний час.

Недаром многоопытный Заманский

Нас учит надевать противогаз.

На одном из собраний Витя, с тоской глядя в окно на улицу, где шел нудный осенний дождь, написал стихи. Они заканчивались так:

Что-то там бубнит Волошин,

От старательный, хороший

И хорош его отчет...

По стеклу вода течет.

Этот же Цыганов как-то положил на стол нашему коллеге открытку, где от имени организации «Книга - почтой» сообщал, что адресату будет выслана книга «Половая жизнь в эпоху неолита» с цветными иллюстрациями. Стоимость - 17 рублей. А также монография «Тычинки и пестики», 49 рублей.

Коллега немедленно стал звонить в «Книгу - почтой»: он хотел бы ограничиться неолитом, а от «Тычинок и пестиков» отказывается. После нескольких таких звонков, рассказывал Витя, и я не уверен, что он это не выдумал, сотрудники «Книги - почтой» якобы попросили у звонившего его адрес. Тот якобы спросил: «А зачем?» И те якобы ответили: «Приедем к вам с психиатрической бригадой».

Странно видеть этих ребят дедушками. Впрочем, они и сегодня за словом в карман не лезут.

## ТАРАС ПЕТРИНЕНКО КАК ЗЕРКАЛО НАЦИОНАЛИЗМА И СИОНИЗМА

В нашей конституции сказано, что цензура запрещена. Правда, что такое цензура, не сказано. А в семидесятых годах, когда я пришел на телевидение, нигде не говорилось,

что над нами висит меч цензуры. У нас была свобода, а цензура существовала при свергнутом царском режиме. Тем не менее, каждый сценарий надо было нести в так называемый лит. Там сидели строгие и как бы допущенные к секретам государственной важности товарищи. За их спинами висели сейфы, где, по-видимому, и хранились государственные тайны. Товарищи внимательно читали наши материалы и если не находили, что там раскрываются секреты, то ставили на обложке штампель «Цензор такой-то». Разрешали. А если что-то вызывало сомнения, то штампель не ставили. То есть запрещали.

Впервые я увидел слово «цензор» на государственном штампеле, когда еще корректором пришел работать в типографию. Меня страшно удивило это слово. В школе нам объясняли, что от цензоров страдал Пушкин, а теперь не страдает никто. И это была правда. Мы не страдали от цензуры, потому что сами прекрасно понимали, о чем можно писать или говорить, а о чем нельзя даже думать. Так что цензоры если и доставляли нам неудобства, то небольшие, да и то изредка.

Однажды я написал в сценарии, что приглашенный в студию гость «говорит о том, что...» И далее излагал своими словами, о чем он будет говорить. Цензор, дама, как тогда говаривали, не просто партийная, а партийная во всех отношениях, разрешить передачу отказалась категорически. «Вы должны написать дословно, что именно он будет говорить. А не «о том, что», - наставительно произнесла дама. Я попытался ей объяснить, что наш гость будет именно говорить, а не читать с бумажки. «Это ваше дело, - ответила дама. - Пусть выучит на память». Я понял, что спорю с горным утесом. Поэтому во фразе «говорит о том, что...» я вычеркнул все, кроме слова «говорит», поставил двоеточие, открыл кавычки, все остальное оставил без изменений. Это цензурную даму вполне устроило.

Я быстро понял, что у нас засекречено, а что нет. В народе ходил анекдот: того, кто написал на заборе «Хрущев дурак», осудили за разглашение государственной тайны. Что в Америке средняя заработная плата выше, чем у нас, тоже было тайной, не подлежащей разглашению.

Со временем передачи для детей были освобождены от цензуры. Тем не менее, мы сами как-то вырезали из видеозаписи детского концерта прелестную девочку, певшую такую же прелестную песенку. Но платье у девочки было желтое, а бант на головке - синий. Дитя, таким образом, пропагандировало украинский буржуазный национализм. Мы это понимали без всякой цензуры.

Ходить в джинсах, а если женщинам, то и просто в брюках, было запрещено. Штаны на женских ножках считались вызовом общественному мнению. Милиционеры, дежурившие на входе в Гостелерадио УССР, получили приказ: женщин в штанах не пускать. И не пускали. Не удосужился я в свое время спросить у Ады Роговцевой, правда ли, что когда милиционер не пропустил ее на телевидение из-за того, что актриса пришла в брюках, Ада Николаевна, благо, что была в пальто, взяла да и скинула брюки: «А так можно?» - «Так можно», - сказал обалдевший милиционер.

Однажды в детскую редакцию пришла компания студентов киевской консерватории. Среди них был Тарас Петриненко, сын знаменитой певицы и нашего, к сожалению, рано ушедшего сотрудника - милейшего, умнейшего Гаринальда Петриненко, с которым мне посчастливилось дружить. Был в этой компании и Кирилл Стеценко, тезка и внук знаменитого композитора. Ребята спели нам несколько украинских песен в современной аранжировке. Это было великолепно. Сегодня так поют все, но тогда так еще никто не пел. Партия считала, что народная песня, костюм, народная архитектура являются таковыми, если они отвечают канонам эпохи позднего феодализма. Если же народная песня звучит

под электрогитару, то это либо тлетворное влияние Запада, либо буржуазный национализм.

Мы об этом не подумали и решили немедленно записать хлопцев, тем более что студия оказалась свободной, а такой случай вряд ли представился бы так скоро. Оформления в студии не было, но молодцы-телеоператоры поставили под стеной несколько осветительных приборов, тонкие лучи образовали на голой поверхности замысловатый узор, и ребята спели так хорошо, что мы уже нацелились на благодарности и похвалы.

После просмотра видеозаписи меня вызвал наш самый большой начальник, человек умный, но опытный (опыт и ум вещи разные и порою взаимоисключающие). Глядя в сторону и внутренне страдая, он сказал, что в эфир передача не выйдет. В узоре на стене кто-то усмотрел шестиконечную звезду. «Это сочетание украинского национализма с сионизмом... ну, вы же сами понимаете», - сказал шеф, и я все понял.

«ДОБРИЙ ВЕЧІР ВАМ, МАЛЯТКА, ЛЮБИ ХЛОПЧИКИ Й ДІВЧАТКА!»

Этими словами много лет подряд, каждую пятницу, приветствовал своих маленьких телезрителей один из героев знаменитой передачи «На добраніч, діти!» - столь же знаменитый дед Панас. Настоящее его имя не должно быть забыто: Петр Ефимович Вескляров.

Впервые я увидел этого человека «живьем», а не на экране, весной 1970 года, когда пришел работать в детскую редакцию телевидения. Петр Ефимович был там уже старожилом. О нем ходили легенды и сплетни. Взрослые, главным образом из околоактерского мира, говорили, что он пьяница и плохой артист. Дети ничего не говорили. Они деда Панаса просто обожали.

Мне Петр Ефимович понравился сразу и навсегда. Восхитила его сочная украинская речь. Что порою он не отказывался от рюмки, это правда. И однажды был грех: дед пришел на передачу сильно подшофе, отчего передачу пришлось заменить мультиком. Но простите за банальность: а кто из господ актеров не пьет? Особенно, если у актера такая горькая доля, как у Весклярова.

Он был очень талантлив. И конечно его судьба могла бы быть иной, если бы не телевидение. В послужном списке Петра Весклярова роли в кино и в театре, но с тех пор как он стал дедом Панасом, режиссеры уже его не приглашали. Он был слишком узнаваем, и какую бы роль не сыграл - то ли большую, то ли эпизодическую, все равно зал закричал бы: «Дед Панас! Дед Панас!»

Незадолго до конца своей телевизионной карьеры Петр Ефимович рассказывал, что на него, как говорится «положил глаз» кинорежиссер. Да еще какой! Сам Василий Шукшин. Вескляров, чуть не плача, рассказывал, что Василий Макарович предложил ему роль запорожца в фильме по сценарию самого же Шукшина о Степане Разине. Эта роль была бы для украинского актера счастьем. А уж для Весклярова тем более. Вообще весь сценарий Шукшина, говорил Петр Ефимович, хватая меня за руку, «це мед, Володю, це був мед!» Но этому замыслу не суждено было осуществиться. Шукшин умер.

На телевизионном экране Петр Ефимович не играл, а жил. У него был редкий дар общаться со зрителем так же, как если бы этот зритель сидел рядом с ним в студии. Однажды, заканчивая свою очередную сказку, дед Панас вдруг взглянул на висевшие перед ним невидимые зрителю студийные часы и сказал: «О! А на великому годиннику вже пізно». Потом глянул на свои наручные часы и искренне удивился: «Дивись! І на малому теж пізно!» Эта импровизация не была предусмотрена сценарием, но я очень просил Петра Ефимовича как-то зафиксировать эти слова и не потерять их. Петр Ефимович согласился.

Я много лет был редактором его передачи, писал для него сценарии, и мы жили, что называется, душа в душу. Он часто повторял эту реплику, и всякий раз она звучала очень забавно. Но такого изумления от того, что и на больших, и на маленьких часах одинаково пришло время спать, я у него уже не видел. Он тогда в самом деле изумился. Он входил в образ так, что каждая его реакция то на куклу-партнера, то на воображаемого малыша-собеседника была совершенно естественной и потому неповторимой. Было наслаждением наблюдать, как Петр Ефимович общался с куклой. Одно время таким собеседником деда был пес Бровко. Куклу этого здоровенного дворняги мы усадили рядом с дедом Панасом не потому, что таков был сценарный замысел. Напротив, нередко сценарии сочинялись под имеющуюся куклу, если ничего другого у нас под рукой не было. Но в случае с Бровком оба персонажа как нельзя лучше подошли друг другу. Этаким деревенский дедушка с деревенской же собакой. Однако если бы рядом с дедом сидело любое другое существо, какая-нибудь фея из французской сказки, он все равно оставался бы таким же естественным и простым дедом.

Он обладал качеством, совершенно необходимым всякому, кто находится перед телекамерой. Особенно, если беседует с детьми. Подобно тому, как английский джентльмен одинаково разговаривает с королевой и с горничной, так и дед Панас разговаривал со своими зрителями, как со взрослыми - без заигрывания и тем более без сюсюканья. И тем более без величественной снисходительности, так характерной для многих телепедагогов. Мол, ты еще маленький, ты еще не понимаешь, но я тебе, глупенькому, сейчас все объясню. Дед Панас мог быть даже несколько грубоватым со своим собеседником, но маленький зритель безошибочно видел за этой внешней суровостью настоящую, не наигранную любовь.

У всякого талантливой артиста много недоброжелателей. У Весклярова их оказалось более чем достаточно. Отношение к нему было именно таким величественно-снисходительным, какого он сам никогда и ни к кому не проявлял. Порою сквозь это высокомерие проступала откровенная зависть. Хотя на Петра Ефимовича не сыпались награды и звания. Но его любили дети - самые требовательные и придирчивые зрители.

## ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТЕТЯ КАТЯ!

Мне позвонила бывшая сотрудница Екатерина Семеновна и попросила дать в суде показания о том, что с 1972 года мы с нею работали на телевидении в одной редакции. Она была помощником режиссера, потом режиссером и одновременно ведущей, а я – заместителем главного редактора. Мои показания должны были помочь ей получить нормальную пенсию. По каким-то нелепым законам пенсия телеведущего значительно больше пенсии телережиссера, хотя оба они работники творческие, а не технические. (Я, впрочем, не понимаю, почему труд технических работников оценен ниже нашего, но это другой разговор).

В трудовой книжке Екатерины Семеновны не отражено, что она вела передачи, и доказать это можно было только через суд. По существу, он был формальностью. Никто на украинском ТВ не возражал, чтобы Екатерина Семеновна получала достойную пенсию. Так что все это можно было бы не вспоминать, если бы не имя: Екатерина Лозовенко, тетя Катя, знаменитая ведущая знаменитой передачи «Катрусин кінозал», которую неотрывно смотрели миллионы украинских детишек.

Если бы 35 лет назад кто-то сказал, что мы с Катей будем хлопотать в суде за ее пенсию, мы бы долго смеялись. Она пришла к нам совсем юной. Но с «красным дипломом» театрального института и с полуторагодовичным стажем работы в Винницком театре. Может, сейчас это хороший театр, но тогда он был плохим. Катя бросила провинциаль-

ную сцену и вернулась в Киев работать на телевидении. 13 марта 1972 года она позвонила в нашу редакцию с проходной и попросила заказать ей пропуск. Трубку взял я и первый пропуск новой сотруднице заказал тоже я. Все эти детали я забыл, но Катя напомнила. Ей дали какую-то самую низкую должность из всех, что-то вроде сходи-принеси. Смотреть, как выпускница столичного театрального вуза выполняет мелкие поручения, было грустно. А уж ей-то было и вовсе тоскливо.

И тогда мне пришла в голову мысль, что Катя может осуществить то, что давно уже вертелось у меня в голове. Телевизионные передачи, уверял я тогда и уверен в этом сейчас, обязательно должны быть технологичными. Украинское телевидение и сейчас не богато, а тогда было очень бедно. Не хватало не только техники. Не хватало профессионалов. Хотя их было немало, особенно среди технарей, которым теперь не дают хороших пенсий. Я с почтением вспоминаю имена многих моих коллег, но в массе режиссеров, которые не нашли себя ни в кино, ни в театре, среди журналистов, которых не брали ни газеты, ни радио, - в этой массе профессионалы как-то растворились.

Всем хотелось делать передачи, «как в Москве». Но такой техники, денег и возможностей, как в Москве, у нас не было. Поэтому слишком часто (к счастью, не всегда) усилия уходили «в свисток». Творческая группа тратила время и силы на то, чтобы выбить транспорт, время для видеозаписи и монтажа. На собственно творчество времени не оставалось. Передача, которую я придумал для Кати, была простой до примитивности. Ведущая – она должна была называться своим именем, тетя Катя - сидит с куклой, тоже Катей, Катрусей, и показывает детям мультики. Мне немедленно указали на то, что называть взрослых тетями и дядями непедагогично. Пришлось выдержать эту атаку. Но самое неприятное случилось потом. Екатерина Семеновна узнает об этом только сейчас.

Перед еженедельной летучкой, где рецензенты давали оценки передачам, а руководство Гостелерадио УССР давало указания, ко мне подошел очередной рецензент и сказал по-дружески: «Володя, то, что вышло в эфир с этой актрисочкой, - кошмар. Я в рецензии ничего об этом не скажу, но ты закрывай эту дурацкую передачу». Я бы пропустил его слова мимо ушей, если бы их не сказал очень авторитетный телевизионщик, профессионал. Меня бросило в пот.

Не помню, как я отбивался от критиков, но вскоре на передачу пришел мешок писем, и эта лавинообразная почта росла с каждым новым выходом. Не без оснований руководство УТ очень внимательно следило за количеством писем. В детскую редакцию их приходило больше, чем во все остальные. А в кинозал тети Кати - несметно. Дети слали кукле Катрусей письма, рисунки, посылки с одежкой и игрушками. Тогда еще не такой знаменитый тележурналист Валентин Щербачев называл эту передачу усмирительной. Он имел в виду двух своих сорванцов-сыновей. Когда в эфир выходил «Катрусин кинозал», в доме становилось тихо.

Передача шла 16 лет. По ней защищали дипломы будущие телевизионщики. И после того, как ее небрежно и, в сущности, по-хамски закрыли, прошло еще 19 лет, но тетю Катю все равно помнят ее уже взрослые зрители. А страна даже дала ей нормальную пенсию. Через суд.

Кто-то сказал Кате, что судья в детстве тоже был ее зрителем. Он, разумеется, вынес решение в ее пользу, но не потому, что до сих пор помнит тетю Катю. Просто человек заслужил.

## СЕРЕБРЯНЫЙ ЗВОНОЧЕК

В шестидесятые и семидесятые годы на Украинском телевидении главной редакцией программ для детей руководила Инна Жукова - женщина умная, властная и в отноше-

ниях с руководством достаточно опытная. Я был ее заместителем, и когда Инна Васильевна сказала, выходя со мною из высокого кабинета, что есть некоторые руководящие указания, которые можно пропустить, я поверил и пропустил. Указание же заключалось в том, что нашей редакции надлежало создать ежедневную передачу для детей, которую они будут смотреть у себя в садиках после дневного сна.

Начальство поведало, что его жена руководит детским садом, и в ее садике есть телевизор. Значит, они есть везде. Мы покивали головами в знак того, что неустанная забота партии и правительства о подрастающем поколении приносит свои плоды. Следовательно, продолжало руководство, и Украинское телевидение должно принять самое деятельное участие в воспитании молодняка. Подумайте и через две недели приходите со своими предложениями.

Выйдя из начальственного кабинета, мы переглянулись, пожали плечами и занялись своими делами. Затея показалась нам несерьезной. Какие телевизоры? Может, они и стояли в некоторых детских садах. Но не в каждой же группе и не в актовом зале, а у директора. Тогда телевизоры постоянно нуждались в ремонте, при комнатной или самодельной антенне «картинка» на экране рябила и мигала. Детям это было вредно. И самое главное: каким образом мы могли бы делать еще одну передачу, к тому же ежедневную, когда и без нее пороху едва хватало? Откуда взять технику? Из кого формировать творческую группу? Каких пригласить исполнителей? Где взять деньги на гонорары? Нам хватало и других забот. Поэтому о задании начальства мы забыли через десять минут.

А вот начальство свои указания не забыло, и ровно через две недели в детской редакции раздался звонок из приемной: через 15 минут вас ждут с планом новой передачи. Никакого плана, конечно, и в мыслях не существовало. Как назло, главный редактор куда-то ушел, «на хозяйстве» я оставался один, так что советоваться было не с кем, да и некогда. «Хорошо, - сказал я в телефон бодрым голосом и даже с некоторой радостью по случаю предстоящей встречи с руководством. - Через 15 минут буду».

То, что произошло затем, я впоследствии представлял знакомым как еще одно из многочисленных свидетельств своего таланта. Теперь, по прошествии стольких лет, надо признать, что талантом тут и не пахло. Просто в дело вмешались некие мистические силы, обострившие мои мозги до наивысшей степени. Меня озарило. Такое в подобных случаях бывает часто и со всеми. Так что творческая одаренность тут совершенно ни при чем. Я сел за расклеванную редакционную пишущую машинку, вложил в нее, как сейчас помню, бумагу цвета розового дамского белья, белую бумагу нам не выдали по причине крайней скудости средств на канцелярские принадлежности, и настроил творческую заявку такого содержания. Раз в две недели каждая из 14-ти украинских областных телестудий выдает в эфир УТ двадцатиминутный концерт детской самодеятельности. Я даже придумал, какая заставка будет звучать перед началом передачи - песенка композитора Юдифи Рожавской, написанная еще на заре украинского телевидения: «Срібен дзвін-передзвін весело лунає. Що віщує нам він і куди скликає?» Серебряный звоночек, скликал, разумеется, на детскую телепередачу. Эта передача, предлагал я с наглой самоуверенностью, так и должна была называться - «Срібний дзвіночок». А затем случилось то, чего я, признаться, совершенно не ожидал. Мне-то казалось, что начальство прочитает мои розовые листочки, поморщится и посоветует продолжить работу над осуществлением начальственной задумки. Таким образом, нам представится на размышления еще одна неделя, и за это время мы придумаем нечто гениальное. Но начальство вполне благосклонно приняло мое сочинение и даже удостоило автора сдержанной похвалы. Знало бы оно, что время размышлений над этой передачей полностью совпало со временем ее написания. Но как бы там ни было, а «Срібний дзвіночок» выходил в украинский эфир

много лет. И областные редакции охотно его готовили, поскольку каждый выход на республику засчитывался области в план, а подготовить детский концерт не так уж трудно. Дети всегда смотрелись очень мило. И даже сейчас в рекламных роликах, хуже которых нет ничего на свете, малыши смотрятся превосходно. Детки, они всегда детки - хоть при социализме, хоть при капитализме.

### «ВЗМЕТАЯ ТРАХ ЛЕТУЧИЙ»

Детская редакция Украинского телевидения, где я работал сорок лет назад, получала громадное количество писем - главным образом, разумеется, от детей. Ребята делились своими мыслями, и надо сказать, порою мысли эти были неожиданны и ставили в тупик. Одна девочка спрашивала: «Взрослые говорят нам, что мы должны бороться за высокую успеваемость и дисциплину. А с кем бороться?» В ответ я пролепетал нечто туманное: мол, бороться надо с ленью и прочими недостатками. Еще одна девочка (вопросы девочек были острее и неожиданнее мальчишеских) спрашивала, почему, когда умирает маршал или еще кто из великих, то в газетах пишут, что он будет похоронен у кремлевской стены. А на самом деле его хоронят в самой стене. Это как же? До сих пор не знаю ответа. Действительно, в решениях Кремля о похоронах высших чинов фигурировала стандартная формулировка: «похоронить у кремлевской стены». Почему «у стены», а не «в стене»? Ведь урну с прахом замуровывали в стену. Нам, взрослым, и в голову не приходило, что тут есть какая-то нелепость. А невинное дитя нелепость заметило.

Громадную часть редакционной почты составляли рисунки детей. Когда-то мне пришлось слышать от знакомого художника, что дети рисуют лучше взрослых, и это правда. На популярнейшую среди ребят передачу «Олівець-малювець», которую вел тогда еще совсем молодой Саша Базилевич, талантливый и остроумный художник, приходили мешки рисунков - один лучше другого. Отобрать для передачи самые лучшие было, пожалуй, труднее, чем провести саму передачу.

И очень много детей присылали нам стихи. К стихам надо было относиться с особым вниманием, потому что ребенок, потрясенный строками настоящего поэта, нередко так роднился с ними, что считал эти строки своими. Одно из таких стихотворений начиналось словами: «Как весел грохот летних бурь, когда, взметая трах летучий, гроза, нахлынувшая тучей, смутит небесную лазурь...» Тютчев употребил слово «прах», но ребенок уточнил поэта: «трах» более подходит к описанию грозы.

Были и комические письма. Один мальчик попросил научить его, как стать поэтом. «Мене звать Петро Жабенко, - писал будущий Тютчев. - Я вже придумав собі апселдомін: П'єр Жабо». Вы, конечно, поняли, что апселдомін это псевдоним.

Редакция получала немало писем и от взрослых, но они радовали не всегда. Родители, особенно дедушки, если писали в редакцию, то непременно с целью воспитания подрастающего поколения в духе беззаветной преданности делу коммунизма. В отношении беззаветной преданности взрослые хватали через край. Однажды руководители детского танцевального ансамбля из Днепропетровской области привезли нам кассету с видеозаписью его концерта.

Предприятие, при котором работал ансамбль, было очень богато. Просторная сцена великолепного Дома культуры. Грандиозные декорации. Вполне современное по тому времени качество видеозаписи. Профессионально танцующие дети. Я просмотрел запись и пришел в ужас. Все номера заканчивались смертью юных героев. Погиб Мальчиш-Кибальчиш, погиб боец из буденовских войск - комсомольское сердце пробито. И юный партизан тоже пал смертью храбрых. Умерли все. Почему патриотизм непременно должен был шагать рука об руку со смертью?

В этом отношении чрезвычайно показательна песнь одного взрослого, сохранившаяся среди моих бумаг. Песнь написана, по-видимому, безумцем, но она полностью соответствует героико-патриотической традиции тех времен. Орфография и пунктуация авторские.

Я пионер, иду, иду.  
Невняемый мой путь.  
Иду меж страха и надежд  
Мой взор угас, остыла грудь.  
Прыпев:  
Бей, погромче, барабан  
Смелей, Вова, Надя, пой,  
Это вместе мы идьом  
Все мы дороги пройдем.  
Идем в пропасть смерти  
Нестрашимся никакой.  
Идем вмырая и очень зная,  
Что наше, пионерское слово верно.

Прыпев.  
Подрастающее, пионерское поколение  
На земном полушарие  
Доведеть ленинское знамено  
К коммунизму всегда.

Прыпев.  
Это не страшная сказка,  
А бездна нечеловеческих страданий.  
Была народная Голгофа  
Обожгла всех малышей.

Прыпев.  
И пионер стоять  
Над окровавленной головой отца  
И верить, что ему ищю  
Удастся зажечь угасшие сонца  
В его глазах.

Времена изменились, сегодня и в самом деле жить стало если не лучше, то уж гораздо веселее. Но мы и сейчас продолжаем воспевать свою Голгофу, якобы стоя «над окровавленной головой отца».

«КИЕВ БОМБИЛИ, НАМ СООБЩИЛИ...»  
ПОБЕДА ПРИШЛА НЕОЖИДАННО  
ПЛЕННЫЕ НЕМЦЫ И КИЕВСКИЙ СОЦИАЛИЗМ  
ПОДАЙТЕ, ХРИСТА РАДИ, ПОКУШАТЬ НА КРЕЩАТИКЕ  
АНЕКДОТЫ С КИЕВСКОЙ БОРОДОЙ  
ПЕСНИ ВОРОВ И ИНТЕЛЛИГЕНТОВ  
СПЕЦЫ С ЦАРСКИМИ ДИПЛОМАМИ  
ЛЮДИ ИЗ КОММУНАЛЬНЫХ КВАРТИР  
«ВАМ БАРЫНЯ ПРИСЛАЛА...»  
ЗДРАВСТВУЙ, ДЕДУШКА КОРОЛЬ!  
ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЙ БИЛЕТ БРАТЬ ЛЕВОЙ!

ПОЧТИ ЧТО ИЗ НИЧЕГО  
БАЗАР - ЭТО ВСЕ-ТАКИ НЕ РЫНОК  
А НЕ СХОДИТЬ ЛИ НАМ В РЕСТОРАН?  
МАТЫ, МАТЫ, ЩО ВАМ ДАТИ?  
«В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я...»  
КАК ОТОРВАЛСЯ КУСОК ОТ СОЛНЦА  
НЕ РАССТАНУСЬ С КОМСОМОЛОМ!  
КАК МЫ СТАЛИ МУЖЧИНАМИ  
ЛУРИК И ЛУРИК НА ВАТЕ  
И СНОВА ОБ ЭТОМ ЗАГАДОЧНОМ ЛУРИКЕ  
«НАМ ВЕСЕЛО ЖИВЕТСЯ, МЫ ПЕСЕНКУ ПОЕМ...»  
КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ  
ПЕСНЮ ДРУЖБЫ ЗАПЕВАЕТ МОЛОДЕЖЬ  
ПОКОЛЕНИЕ, КОТОРОЕ СТИРАЛО КУЛЬКИ  
КАК Я ФАЛЬСИФИЦИРОВАЛ ВЫБОРЫ  
КАК МЫ РАСШИРЯЛИ АССОРТИМЕНТ  
У ХОЗЯИНА ЛУЧШЕ!  
ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ТЕАТР?...  
СТРАНА НЕПУГАННЫХ ВОРОВ  
ИЗ ЗАДНИХ УСТ, или СПАСИБИ ЗА БАТЬКІВСЬКУ ТУРБОТУ!  
ВЕРАШНЯЯ ХОХМА СМЕШНА И СЕГОДНЯ  
ТАРАС ПЕТРИНЕНКО КАК ЗЕРКАЛО НАЦИОНАЛИЗМА И СИОНИЗМА  
«ДОБРИЙ ВЕЧІР ВАМ, МАЛЯТКА, ЛЮБИ ХЛОПЧИКИ Й ДІВЧАТКА!»  
ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТЕТЯ КАТЯ!  
СЕРЕБРЯНЫЙ ЗВОНОЧЕК  
«ВЗМЕТАЯ ТРАХ ЛЕТУЧИЙ»